

Читайте:

4 Михаил КОНЬШИН: Земная Шамбала Валерия Анишкина	16-21 Юные литераторы «Орлеи»: Д. БЛИНЦОВСКАЯ, А. ВАЛИКОВА, С.КАМЫШЕВА, А. БЕЛЯКОВА
6 «Спасите пушкинский язык!»: Встреча А. Пушкина с А. Ермоловым в Орле	22 Светлана ВЕТРОВА: Владимир Русанов – исследователь Арктики
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА: Впечатления моей жизни	24 Валерий АНИШКИН: Дик
14 Михаил КОНЬШИН: Выбор фермера Молчанова	28 Анатолий ПЕРЕЛЫГИН: Русофобия - идеологическое оружие Запада

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

В 2024 году намечаются празднования по случаю юбилеев:
100-летия со дня рождения Виктора Петровича Астафьева (указ Президента РФ от 22.03.2023 г. № 182)
50-летия с начала строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ) (указ Президента РФ от 03.03.2023 г. № 140)
300-летия Российской академии наук и созданию юбилейной медали (указ Президента РФ от 05.12.2022 г. № 874)
150-летия со дня рождения Елены Фабиановны Гнесиной (указ Президента РФ от 20.06.2022 г. № 388)
225-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина (указ Президента РФ от 05.07.2021 г. № 404)
300-летия со дня рождения Иммануила Канта (указ Президента РФ от 20.05.2021 г. № 300)
1000-летия основания г. Суздаля Владимирской области (указ Президента РФ от 29.01.2015 г. № 37)
100-летия основания Государственного центрального музея современной истории России (указ Президента РФ от 06.07.2023 г. № 494)

К 225-летию Александра Пушкина мы объявили Всероссийский просветительский проект «Спасите пушкинский язык!». Первый подобный опыт осуществлён пять лет назад. Результат порадовал. Объехав всю Орловскую область, выступая в библиотеках и Домах культуры, мы выявили немало талантливых ребят, любящих русский язык и литературу. Наши писатели и журналисты помогли им поверить в себя, провели несколько мастер-классов, воодушевили на создание прозаических и поэтических произведений. В результате трое поступили на бюджетные места местных вузов, а обладатель Гран-при Ольга Аристарина получила сертификат на издание своей первой книги. Спустя три года она стала членом Союза российских писателей. Кроме того, более 600 заявок на литературный конкурс прислали молодые авторы со всех концов бывшего Союза и некоторых стран. Было много награждённых.

В этом году конкурс продолжается. По его итогам планируем собрать в Орле фестиваль в честь 225-летия А. Пушкина, на который пригласим известных писателей и тех ребят, чьи работы одобрены жюри. Отдельная номинация посвящена юным талантам из новых территорий России.

№46' февраль 2024

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.02.2024 г. Выход в свет: с 01.02.2024 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №45-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

Земная Шамбала Валерия Анишкина

В книгах замечательного орловского писателя Валерия Анишкина, отметившего своё 85-летие, как в зеркале, нашли отражение и его собственная жизнь, и судьбы великой России, начиная с давних времён.

По его собственному признанию, работать со словом, аккуратно записывать какие-то мысли, сведения, заметки о памятных событиях он начал ещё со студенческой скамьи. Громадный материал, накопившийся за десятилетия, не мог бесконечно пылиться в бумагах. И пришло время, когда эти записи помогли появиться книгам: начиная с 2000-х годов будто с конвейера одна за другой стали выходить книги Валерия Анишкина: «Великие мыслители», «Русь и её самодержцы», «Быт и нравы царской России», «Моя Шамбала», «Потерявшиеся в России» и целый ряд других.

О чём пишет автор? Что волнует его в нашем сложном, противоречивом и бесконечно притягательном мире?

Увлечённый, не изменяющий давней привычке каждодневно, по несколько часов заниматься творчеством, Валерий Георгиевич в свои 85 лет продолжает оставаться необычайно подвижным, аккуратным и собранным человеком. Он, как в былые годы, всё с тем же желанием работает над новыми главами книг, занимается общественными делами, является заместителем руководителя Орловского отделения Союза российских писателей.

В уютном гостиничном кафе, за чашкой ароматного кофе, мы говорим с ним о жизни, о творческих планах и о том, что подвигло его к писательскому труду.

– Я же отношусь к поколению людей, переживших войну, – рассказывает мой собеседник. – Местом моего рождения стал городок Жуковка, тогда Орловской, а ныне Брянской области. Неповторимые тютчевские места. Но детство связано было не с ними: когда мне исполнился всего год, отца перевели на работу в Орёл. Потом началась война, отец ушёл на фронт. Его, имевшего хорошее образование, уже как офицера, отобрали для службы в Иране, через который, как известно, шла наземная поставка грузов для нашего фронта. В 1943 году во время сопровождения такого груза, машина, в которой ехал отец, в результате диверсии была подорвана. Водитель погиб, а мой отец получил сильнейшую контузию, три месяца лечился в госпитале в Тегеране, потом ещё столько же в Ашхабаде. После возвращения в Орёл был главным инженером, директором предприятия, работал в горисполкоме.

Про свою войну почти ничего не рассказывал. И сам не любил, и запретов в то время было много.

– Что запомнилось лично вам из военного и послевоенного времени?

– Трудное, скажу, было время, но интересное. Еды не хватало, для нас, пацанов, подсолнечный жмых от переработанных семечек был как лакомство. Картошку в «мундирах» и ту ели не каждый день.

Помню Орёл, в который мы вернулись сразу после его освобождения, а оставаться маме, жене советского офицера, в городе было нельзя, её вместе с детьми немцы сразу бы расстреляли. Так вот, город был совершенно разрушен, ни одного целого здания. А люди жили дружно, помогали друг другу.

Навсегда запомнил душераздирающий крик одной женщины с нашей улицы. Она похоронку получила на мужа, который только что приезжал к ней в отпуск на несколько дней. Ей все завидовали, когда шла по улице под ручку со своим мужем-фронтовиком. Ребёнка уже потом родила, муж его так и не увидел.

Когда вернулся после госпиталя мой отец, мы жили какое-то время у одной женщины. Копали огород и нашли немецкую гранату с деревянной ручкой. Отец прижал меня к земле и с криком «Ложись!» швырнул гранату далеко в сторону. Но граната не взорвалась, видимо, запал у неё отсырел.

С ребятами, уже в школе, ходили в Медведевский лес, искали разное оружие, выковыривали порох, поджигали его, чтобы горел, как фейерверк. Были случаи, когда подрывались ребята, даже погибали, калечили руки-ноги. Очень нас в школе ругали за такие походы, выстраивали на линейку, говорили, чтобы ноги нашей не было в этом лесу.

Постепенно город приходил в себя, залечивал раны. Разрушенный город отстраивался заново. А таких улиц как наша Советская или улица Свободы, что на берегу реки Оки, ещё долго оставалась одноэтажной.

Там, где сейчас находится библиотека имени Пришвина, стоял памятник Сталину. Его хотели перенести в другое место, копали, и произошёл взрыв. Оказывается, памятник был заминирован.

Очень много пришедших с фронта было без ног, они передвигались на примитивных досках на подшипниках. Война покалечила много людей.

Таких эпизодов в том послевоенном времени было хоть отбавляй.

– И все они, надо полагать, так или иначе были представлены в вашем романе «Моя Шамбала»?

– Да, эта книга о военном и послевоенном детстве. Книга на самом деле оптимистична, время в ней смещено, но герои узнаваемы, при всей бедности и неустроенности того периода, они полны жизни, верят в лучшее, ищут, дерзают, шалят, как все мальчишки. А ещё они заряжены мечтой, даже в какие-то моменты эти мечты возвышены до космических масштабов.

Это мечты неповторимого детства, которое у каждого из нас прокладывает себе дорогу во взрослую жизнь. Нам хотелось работать, учиться, добиваться чего-то существенного, важного, потому что так человек устроен: нельзя без мечты.

– После школы вы поступили в вуз, стали студентом. И об

этом, тоже незабываемом периоде жизни, будет позже написан другой роман, который так и называется – «Студент»...

– Со студенчеством действительно связано многое. Впервые, я поступал на филфак в наш Орловский пединститут, но желающих было много, проходной балл высокий, и мне для поступления не хватило ровно одного балла. Мне предложили с такими оценками выбрать факультет иностранной филологии, проще говоря, иняз. А дальше произошло вот что. В институте я играл за студенческую волейбольную команду. Как-то поехали на соревнования в Ленинград. Мне невероятно понравился и местный университет, и сам город. Загорелся мечтой учиться именно здесь. И после первого курса перевёлся на факультет иностранных языков в город на Неве. Владею английским и немецким языками. Но заканчивал учёбу опять же в Орле, на вечернем отделении иняза, поскольку умер отец и надо было помогать маме.

Однако через некоторое время оказался в Омске, пригласил коллега, с которым учились на одном факультете в Ленинграде. Вот я к нему и приехал. Летом работал слесарем-трубоукладчиком от нефтезавода, с сентября преподавал в школе. Но тянуло домой, и я всё-таки вернулся в родные края.

А потом был завод «Протон», где работал инженером, затем руководителем главного отдела научно-технической информации. Учитывалось знание иностранных языков и диплом патентоведа. Вот здесь задержался надолго, почти на 30 лет. Прошёл всё то, что проходили мы все: развал страны, приход дикого рынка, когда завод, чтобы выжить, превратился в торговую площадку.

– И когда потянуло на книги, на литературу? Когда почувствовали, что без этого нельзя?

– Собственно, писал-то я всегда, ещё со школы. И заметки в газеты, и рассказы, посылал в журнал «Молодая гвардия». Но видно, требовалось время, чтобы окончательно «созреть» для писательства. И вот уже после «нулевых» это случилось.

– Вы не историк, а издали целую серию книг по исторической тематике. Это же не случайно произошло?

– Недавно я присутствовал на юбилее нашей главной областной библиотеки, которая носит имя Бунина. Так вот, для меня это книжное хранилище – что родной дом. Я сюда в своё время ходил как на работу. Меня интересовали древние летописи, фундаментальные работы известных историков, другая научно-историческая литература. Но я не просто читал, я обращал внимание на интересующую меня тему, тему быта и нравов народа и царской России. Всё это уложилось в картотеку, а уж потом под «тяжестью», если хотите, накопившегося материала созрела мысль всё это систематизировать, выстроить, изложить не только для собственной пользы, но и для более широкой аудитории. Так и вышли в свет книги «Русь и её самодержцы», «Быт и нравы царской России», «Богатство и бедность в царской России» и другие. «Русь и её самодержцы» выдержала три издания, причём в разных издательствах. Школьникам книга понравилась. Что в этих книгах больше всего подкупает читателя? Детали, те самые мелочи, из чего состоял быт людей, одежда, поведенческие моменты, привычки и так далее. Это стало увлекательным чтивом... Добрые отзывы об этой книге я слышал от многих.

Такая же история произошла с моей увлечённостью философской тематикой. Сначала подогревала мысль помочь в изучении этого предмета своей дочери, которая училась в институте. А потом как-то само собой перешло к написанию целой книги. В 2007 году в издательстве «Феникс» горо-

да Ростова-на-Дону вышла моя книга «Великие мыслители. История и основные направления философии», ставшая весьма востребованной среди студентов и преподавателей соответствующих вузовских факультетов. Тираж по нашему времени был не маленький, три тысячи экземпляров, мне выплатили десять процентов от тиража, то есть в Орёл прислали 300 экземпляров книги. Вместо гонорара.

– Насколько я знаю, эта книга имела продолжение...

– В 2021 году в московском издательстве «Юнити-Дана» вышел обновлённый вариант этого произведения под названием «Великие мыслители». В качестве помощника и соавтора этого издания выступила моя дочь Людмила, к тому моменту уже кандидат наук. Успех издания стал неожиданным даже для меня: книга была одобрена Министерством образования России в качестве учебника для вузов соответствующего профиля. В книге представлены около 160 корифеев человечества в области философии и все основные течения философской мысли, начиная с древних времён.

– Ещё одна любопытная книга, которая называется «От Горбачёва до Путина». Это попытка разобраться, что произошло со страной в тот период?

– Это своего рода дневники, летопись тех непростых, переломных дней в истории нашей Родины. Дней и лет, полных трагизма и неоправданных надежд. Оценку событиям я не даю, своё отношение к происходившему дают люди. Верно или не верно оценивают – вопрос другой, каждый, прочитав эту книгу, может сам составить своё мнение о том, что тогда случилось.

– У вас, не считите за комплимент, очень интересный литературный стиль, лёгкий, образный, часто ироничный. А тут ещё увидел вашу небольшую книгу, навеянную восточными мотивами...

– Да, эта книжечка называется «Весёлый Насреддин». Она наполнена некими притчами и присказками на мотивы восточных сказаний и сказок. Я воспринимаю эту работу, как некий отдых, когда хочется разгадывать какой-нибудь ребус, кроссворд. Приятно, если кому-то нравится.

Михаил КОНЬШИН

1829 г. май. (В 2024 году – 195 лет этому событию)

В Орёл по пути на Кавказ заезжал А.С. Пушкин. Встречался с генералом А.П. Ермоловым. (Дом, где они встречались, снесён в 1981 г.) Далее поэт поехал на Елец, как считают, через Малоархангельск и Ливны.

По преданию останавливался на ночь в Малоархангельске, где перепуганные чиновники приняли пота за ревизора.

Пушкин рассказал эту историю Н.В. Гоголю, после чего и родилась комедия «Ревизор».

1848 г. 5 (17) сентября.

В Орле находился Н.В. Гоголь. Своё пребывание в городе описал в письме А.С. Данилевскому.

Всероссийский литературный конкурс «Спасите пушкинский язык!» проводится в целях развития творческих способностей начинающих литераторов; пропаганды русского языка; мотивации любви к малой родине; изучения наследия классиков русской литературы.

Заполнившие в последние годы молодёжный язык сленг, ненормативная лексика, скудость образов в мышлении и общении заставляют задуматься о нашем отношении к традициям, заложенным титанами русской словесности, о пушкинском предупреждении, что мы балансируем в опасной близости от «черты, отделяющей образованность от дикости».

Мы стремимся противостоять ортодоксам, которые «отменяют» русский язык на Украине; только больным людям может прийти в голову запретить изучать классиков мировой литературы: Пушкина, Толстого, Достоевского и других, только последователям нацистов придёт в голову изымать из библиотек книги на языке, признанном в ООН. Поэтому, объединив усилия, вместе вернём «пушкинский язык» в нашу среду, обогатим его новым гуманитарным мышлением.

Наша задача, организуя встречи-беседы профессиональных писателей с творчески одарёнными детьми, помочь им развить свои гуманитарные способности, подготовить для поступления на соответствующие факультеты вузов, а в дальнейшем – обрести уверенность в журналистском и писательском ремесле.

За последние пять лет это 7-й конкурс (см. сайт: союзписателей-57.рф), в предыдущих приняло участие более 5000 человек не только из России и СНГ, но и зарубежных стран. Более 15 юных талантов при содействии Академии «Орля» издали свои первые книги, четверо стали членами профессионального Союза российских писателей.

Очередной конкурс, безусловно, будет способствовать открытию новых талантов.

Лауреаты Конкурса награждаются грамотами ОРО «Союз российских писателей», наиболее талантливые выпускники школ рекомендуются для поступления на журналистский и филологический факультеты вузов. Отмеченные жюри произведения будут опубликованы в очередном альманахе «Тургеневский бережок» и журнале «Новый Орёл», на сайте союзписателей-57.рф. Обладателям Гран-при от Союза российских писателей вручается сертификат на издание своей первой книги. Наиболее перспективные авторы получают творческую поддержку от Академии «Орля» (учёба и сопровождение: заявки по почте <ais-o@mail.ru>).

Важно подчеркнуть, что и наиболее активные учителя русского языка и литературы, а также библиотекари и работники культуры, способствующие продвижению творчества выдающегося поэта, также будут поощрены.

В конкурсе могут принять участие все желающие (от 7 до 35 лет). Отдельно будет выделена категория учеников общеобразовательных организаций и студентов вузов новых российских регионов Донбасса и Малороссии.

Место, где до 1980 г. стоял дом, в котором произошла встреча А.П. Ермолова с А.С. Пушкиным.

Перекрёсток ул. Салтыкова-Щедрина, д. 8 (бывшей Борисоглебской) и улицы 7-го Ноября, д. 43а. (бывшей Введенской).

С домом Ермоловых на Борисоглебской улице связано знаменательное событие в летописи Орла. В начале мая 1829 года проездом на Кавказ опального генерала посетил А.С. Пушкин.

Исследователи указывают, что Пушкин пробыл в Орле два дня и трижды встретился с Ермоловым, об этом, в частности, пишут литературовед В.А. Громов и Р.М. Алексина.

Встреча А. Пушкина с А. Ермоловым в Орле

Алексей Петрович Ермолов

[24.05(4.06).1777 – 11(23).04.1861], герой Отечественной войны 1812 года, генерал от артиллерии. Жил в Орле. В начале мая 1829 года Пушкин посетил Ермолова в Орле.

«Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орёл и сделал, таким образом, 200 вёрст лишних; зато увидел Ермолова. Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом». (А.С. Пушкин «Путешествие в Арзрум...»).

Ермолов в письме своему двоюродному брату Денису Давыдову сообщал:

«Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения».

Пётр Иванович Бартенев, биограф Пушкина, пишет о Ермолове:

«Как хорош был сребровласый герой Кавказа, когда он говорил, что поэты суть гордость нации». («Жизнь Пушкина...», стр. 153).

Выйдя в отставку, А.П. Ермолов приехал в родовое село Лукьянчиково близ Орла, где поселился потом с сыновьями. Он проживал здесь под присмотром земской полиции.

В августе 1827 года Ермолова посетил поэт и генерал Денис Давыдов, его ближайший родственник и большой друг, родовое имение которого находилось в селе Давыдовка Ливенского уезда.

В Орле Ермолов жил в доме на Борисоглебской улице («усадебна на Бодисской горе»).

Он взял за правило не принимать у себя только городских чиновников, «а всякому другому доступ свободен».

Жандармы докладывали по начальству о настроении

полководца, о том, что из всех орденов он носит только один – Георгиевский крест, полученный от Суворова.

Именно Ермолову обязан Орёл приездом А.С. Пушкина. Ещё в «Кавказском пленнике» Пушкин призывал: «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов».

Майским утром 1829 года проездом на Кавказ Пушкин прибыл в Орёл для встречи с Ермоловым.

«Мне стыдно было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым».

Подробно и аргументированно встреча Пушкина с Ермоловым и его пребывание в Орле изложены писателем В.М. Катановым в очерке «Пушкин в Орле» (в его книге «Царский венец». – Орёл, 1999).

4 июня 1992 года был открыт памятный знак в честь встречи А.С. Пушкина и А.П. Ермолова в Орле в 1829 году на фасаде ермоловского дома (ул. 7-го ноября, 43-а). Автор знака – орловский скульптор Валерий Фёдорович Михеев.

К 200-летию А.С. Пушкина Гознак издал почтовые марки, блоки, малые листы и конверты. В почтовой символике отображён и момент пребывания поэта в городе Орле. На конвертах изображены здание магистрата, которое Пушкин не мог не увидеть, и портрет генерала А.П. Ермолова. («Просторы России», № 23. – 4 июня 1999 года).

(Бельский Александр. Пушкина свет над землёю Орловской. Словарь, 1999. – с.15-42).

Встреча А.С. Пушкина и А.П. Ермолова в Орле. (Редчайшее изображение).

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

XI

Петербург. Дом на Английской набережной. Характер князя. Родня мужа. Репин. Студия в Петербурге. Школа в Смоленске

В начале замужества жизнь моя в Петербурге была очень трудной. Первым делом по приезде я должна была немедленно заняться нашим домом на Английской набережной, с которым поступили однажды так же, как и с бежицким, тщательно очистив его от всей обстановки: в нём не только не оставили стула, но даже сорвали со стен деревянные резные панели и мраморные облицовки каминов. Мужу действовали на нервы пустые комнаты. Он очень торопил меня с устройством, желая поскорей установить правильный порядок жизни. Началась усиленная беготня по магазинам, и я сразу очутилась во власти обойщиков и всевозможных поставщиков.

В Петербурге так много банального в смысле обстановки, так трудно найти что-нибудь оригинальное!

Для каминов, по рекомендации Гоголинского, я обратилась к очень искусному резчику, Волковицкому, который

пресерьёзно предлагал мне сделать камин в стиле «вампир», а из магазина Коровина явился приказчик с заграничными образчиками мебельной материи, окрестивший все светло-зелёные тона – «виардо», что означало «VERT D'EAU» [*Цвет морской воды (фр.)*], цвета морской волны. Трудно было в короткий срок согласовать весь «вампир» с «виардо», и я, как могла, частью от старьевщиков, частью на аукционах, приобретала красивые вещи, устраивая дом, по возможности, уютно. Выручили меня акварели хороших мастеров из моей коллекции, которую я ещё с незапамятных времён с любовью собирала. Развешенные в большом количестве по стенам, они очень украсили наши комнаты.

Во время устройства дома я наткнулась на очень странную черту в характере моего мужа. Когда мне в конце концов удавалось найти что-нибудь интересное, но почему-либо я не решалась купить – иногда просто цена пугала, – я шла к мужу за советом и каждый раз в таких случаях получала отказ. Это сердило меня, потому что отказ часто бывал ни на чём не основан. Я просто слышала лаконическое, обезоруживающее «нет» – и больше ничего, а между тем вещь продавалась или на аукционе уходила в чужие руки, что было очень досадно: хорошие вещи редки. Много я из-за этого «нет» пропустила хороших вещей, которые муж потом, по моим описаниям, и сам жалел, говоря:

– Как жаль, что ты не купила канделябры.

– Да, жаль, но ведь ты сам не захотел их приобрести.

– Правда, но, знаешь, есть такая немецкая поговорка: «Кто много спрашивает, тот много получает отказов». – Это была его любимая поговорка, но в то время я не поняла, к чему она относится.

И так всегда, во всём: что ни спросишь – всё «нет» да «нет». Иногда я терялась, не зная, как поступить, и это бывало очень мучительно. Трудно было объяснить в этом разумном человеке такую нелогичность.

Раз как-то я решилась сделать крупную затрату, не спросив его согласия, и очень трусила, боясь навлечь на себя неудовольствие мужа. Когда он увидел вещь, он только спросил:

– Дорого это стоит?

Я со страхом сказала цену.

– Умница... Валяй... Эх, что там смотреть!

Он в этот день был очень в духе и тут же стал кому-то хвастаться моим умением всё хорошо устроить. С той поры я больше его не беспокоила вопросами и поняла, что в нём сидел сильнейший дух противоречия. Но пока я до этого дошла, мне много пришлось пережить тяжёлых минут.

Муж больше всего любил свой личный покой, и одна мысль, что человек приближается к нему с просьбой или вопросом, заранее уже вызывала в нём отпор и недовольство. Он готов был согласиться с каким угодно совершившимся фактом, лишь бы оставили его в покое. Когда он укладывался в дорогу, он бывал особенно не в духе от вопросов его человека, что брать и что оставить. Чтобы отделаться, он отвечал:

– Вали, вали...

– Как же, ваше сиятельство, надо всё уложить...

Князь говорил с досадой:

– Вали, я тебе говорю... Когда приедешь, разложишь.

Одно обстоятельство отравляло мне жизнь в Петербурге: отношения с роднёй мужа.

Остафьева, которая в начале нашего знакомства с князем смотрела такими снисходительными глазами на ухаживание брата за мной, вдруг почему-то страшно рассердилась и даже рассорилась с ним, когда он женился на мне. Что могло её рассердить? Почему ухаживать можно, а жениться нельзя? По-видимому, не удалась её расчёт, что-то сорвалось. Вероятно, ей хотелось остаться между нами, продолжать быть ширмой и покровительствовать мне, пользуясь этим фальшивым положением для своих корыстных целей – устраивать свои дела. Так или иначе, но когда я вышла замуж, мы перестали видеться. Наши добрые отношения, её восторги от моего голоса, комплименты – всё пошло насмарку, будто этого никогда не было. Это положение тем более было глупо, что она жила со своей семьёй в нашем доме, со стороны Галерной. А ещё глупее было, что я сама, из-за вечных её жалоб на недостаток, сжалившись, однажды уговорила князя, ещё до нашей свадьбы, отдать ей, конечно даром, эту квартиру. Муж потом не раз упрекал себя и меня за эту слабость:

– Видишь, зачем тебе нужно было просить за них? Так и знай: люди всегда платят за добро злом... Попробуй-ка теперь от них отделаться, вот когда они закричат... Ведь никто не узнает и не поверит, что это ты выхлопотала квартиру, а они всем протрубят, что ты их отсюда выгнала.

– Но ведь это будет неправда, несправедливо...

– А что такое справедливость? Вот она, твоя справедливость, – и он показал огромный, жирный кулак.

После женитьбы брата Остафьева так взбесилась на нас, что настроила враждебно и своих сестёр, Зыбину и княжну Веру Николаевну, а с ними и всю родню от мала до велика, без исключения. Зыбина, подстрекаемая сестрой, даже разлетелась однажды к одному очень высокопоставленному лицу с просьбой расторгнуть наш брак, но получила отказ на том основании, что её брат великовозрастный и может как хочет располагать собой. Все эти мерзости, к сожалению, всегда до нас доходили: для этого всегда находятся особые друзья.

Невыносимо было сталкиваться невзначай с этими людьми, глядевшими на меня при встречах как на стену, а потом усердно злословящими обо мне, разнося по знакомым и незнакомым небывальщины, осуждая каждый мой шаг, каждое слово. Опять занулили мои старые раны, опять раз навсегда уязвлённая душа почувствовала знакомую боль...

Остафьевская семья признавала только титулованных. Человек с обыкновенной фамилией, хотя и очень порядочный, не внушал им уважения: они ставили его ни во что. Они вечно говорили о своих высокопоставленных знакомых, но зато все эти княгини и графини, которыми они так кичились, заочно называя их «Мими» и «Фифи», третировали их, а они, в свою очередь, давили презрением остальных смертных. Для этих людей личные достоинства, душевные качества, таланты не принимались в расчёт: им подавай только титул, тогда это человек.

Мужа эти враждебные отношения не тяготили, и он казался ко всему равнодушен. Я же, с моей болезненной впечатлительностью, всё чувствовала и от этого страдала.

Злобе их, казалось, не будет конца, как вдруг, года два спустя после нашей свадьбы, обстоятельства сразу изменились. В один прекрасный день муж повёз меня к своим сёстрам, а через неделю вся родня, в полном составе, явилась к нам на семейный обед. Я не приходила в себя от изумления и не знала, чему приписать эту метаморфозу.

Дело же было очень просто. Обыкновенно к праздникам муж делал всем сёстрам, племянникам и племянницам круп-

ные денежные подарки. Но, когда вся эта компания сразу, без малейшей причины, так изменилась к нам, он со своей стороны прекратил выдачу денег. Прошло несколько праздников. Подсчитав убытки, они увидели, что эта ссора была им крайне невыгодна, и мало-помалу стали сдаваться, заискивать и наконец написали мужу письмо в кисло-сладком примирительном тоне.

Вячеслав хорошо понимал некоторых людей, а главное – свою родню. Он хорошо знал их слабости и, задев опытной рукой известную струну, вызвал желаемый аккорд. «О люди, люди», – говорил он, когда ему удавалась его тактика, и всегда бывал от этого в восторге. С родственниками и вышло как по писаному, и он торжествовал на семейном обеде: ненавидя дрязги, он предпочитал худой мир доброй ссоре.

Вообще, Вячеслав не был ни с кем из родных особенно дружен. Остафьева очень его разочаровала и потеряла в его глазах с последней историей. Но когда он встречался со своими, он встречал их с бурным весельем, похожим на удал, с какой-то подчёркнутой, деланной непринуждённостью и предупредительностью. В такие дни от него заражался весь дом, всё бегало, суетилось. Только родня на пороге, как он кричит во всё горло: «Шампанского...». Наши разговоры, отношения – всё создавалось и поддерживалось исключительно шампанским, другой атмосферы не существовало.

Ещё в такой же насаде бывал Вячеслав, когда я позову обедать художников. Как только завидит их, он тоже кричит: «Шампанского...» Вероятно, некоторых людей он не перебарывал иначе, как сквозь дымку вина: ему с ними было тяжело.

Муж не любил искусства. Кроме музыки, никакая другая отрасль не интересовала его – ни старина, ни живопись, ни современное художество. К художникам он относился с презрением, иногда с каким-то странным любопытством, точно видел перед собой нечто вроде заморского зверья. О русских портретистах он был слабого мнения, говоря:

– Мне подавай портрет, чтобы он был похож на то лицо, с которого писан. Мне какое дело, что по-твоему это художественное произведение... А где сходство? Нет, я предпочитаю хорошую фотографию. Она по крайней мере передаёт черты знакомого лица... А эти господа!... Ах, ужас!... Наляпает тебе краски, размалюет, а человека-то нет. Да ещё плати за эту невероятную мазню... И какие!... Да изволь прихваливать то, с чем ты совершенно не согласен. А как противны их претензии на поклонение. Покажи мне, что ты чего-нибудь стоишь, так и признаем тебя, а то лезет в знаменитости, а сам и дела своего не знает. Это какие-то уродцы, которых вы своими ахами и охами поощряете и только дурачите общество. Впрочем, у каждого свой вкус...

Любопытство и удивление возбуждали в нём те из художников, от которых ему случалось услышать какую-нибудь здравую мысль, как будто от категории подобных людей он этого никак не ожидал. Больше всех он уважал Виктора Васнецова за то, что, несмотря на славу, он был практичным, менее «богема», чем другие, серьёзнее и умел составить себе состояние. Всех остальных, кто не подходил к этому типу, он считал ничтожными, не признавая за настоящих людей.

На мою страсть к искусству и коллекционерству он смотрел снисходительно, как на игрушку избалованного ребёнка, и ко всем моим художественным затеям, устройству мастерских в городе и деревне он применял известную поговорку, перефразируя её – «чем бы жена ни тешилась, лишь бы не блажила». Под «блажью» он понимал кокетство и, вероятно, неверность.

Любовь к искусству у всех без исключения он считал за базой, не делающей никому вреда, но и не приносящей никакой пользы. Так же строго он относился и к музыкантам. Например, будучи очень дружен с виолончелистом Давыдовым, но сильно критикуя его образ жизни, он до тех пор не успокоился, пока не заставил его поступить на службу в какой-то банк, говоря ему, что у него достаточно времени для одного и другого и что мыслящему человеку быть исключительно музыкантом – недостаточно и унижительно для его достоинства.

Во время выставки картин Виктора Васнецова [Выставка картин В. Васнецова состоялась в Петербурге в 1899 г.] в Петербурге я устроила обед, пригласив, кроме него, Репина, Врубеля, Гоголинского и Александровского. Муж, по обыкновению, начал обед с шампанского. Он был весел, да и все были очень веселы, дружно пили, болтали, спорили. Репин, как всегда, старался сказать что-нибудь особенное и, споря о чём-то с Врубелем, неосторожно проронил:

– Да вы и рисовать-то не умеете...

– Я не умею? – воскликнул удивлённый Врубель. – Нет, это вы не умеете, и я вам сейчас это докажу. Чтобы правильно нарисовать фигуру, вы до смерти замучаете натурщика, а я начну человеческую фигуру на память, хотя бы с пятого пальчика ноги, и она выйдет у меня правильная и пропорциональная...

Все прислушивались к этому спору и очень смеялись над ответом Врубеля.

Виктор Васнецов в этот вечер был особенно в духе. После обеда, за рюмкой ликера, Вячеслав спросил его:

– Много ли вы на своём веку написали портретов?

– Нет, немного, но могу с гордостью похвалиться, что ни одного я не написал за деньги, особенно с друзей.

Я лукаво посмотрела в сторону Репина. Он тихонько помалкивал в своём углу. Большое удовольствие доставили мне слова Васнецова. До смерти надоело мне позировать Репину. Писал он и рисовал меня чуть ли не шесть или семь раз, мучил без конца, а портреты выходили один хуже другого, и каждый раз из-за них у меня бывали неприятности с мужем: он их просто видеть не мог. Кроме того, наскучили мне репинские неискренность и лъстивость, наскучила эта манера как-то хитренько подмазаться к заказу, причём он вначале всегда делал вид, что ему только вас и хочется написать: «Вот так... Как хорошо... Какая красивая поза...» Потом я сделалась «богиней», «Юноной», а там, глядишь, приходится платить тысячи и тысячи, а с «богини» написан не образ, а грубая карикатура.

В особенности за один портрет я очень рассердилась.

Репин всегда боялся красивых складок, мягких тканей в женских портретах. Ему, как истинному передвигателю, подавай рожаю: иметь дело с ней ему было покойнее.

Затеял он как-то писать меня в чёрном домашнем платье, шерстяной юбке и шёлковой кофточке, и к этому более чем скромному туалету он непременно захотел прилепить мне на шею пять рядов крупного жемчуга. Как я ни отговаривалась, ни противилась, он настоял на своём. В руках у меня была тетрадь романсов Чайковского. Так же как у Тарханова на портрете торчал дешёвый пузатый графин со стаканом, представляющие атрибуты лектора, так и я была изображена с атрибутами певицы. Подобная иллюстрация указывает каждому без ошибки, к какому цеху принадлежит заказчик портрета.

Но всё бы это ничего – портрет выходил довольно удач-

ный, свежий по краскам. Красноватый лоскут старинной материи на фоне хорошо гармонировал с цветом лица, платья и жемчуга, и, к счастью, обложка романсов Чайковского была едва выписана, и на ней не красовалось имя издателя и адрес. Но вот беда, работа портрета была как-то прервана по случаю моего отъезда, и в моё отсутствие Репин, убоившись, вероятно, цветистого тона, намазал вместо него прочную штукатурную стену коричневого колера. Наверно, у него с последним мазком свалился камень с души, и он свободно вздохнул. Для такого мастера, как он, я считаю неппростительным переписывать что-либо на портрете безатуры. Этого не сделает даже ученик.

Потом портрет был мне любезно предоставлен взамен пяти тысяч рублей.

С мужем у меня опять из-за него вышла история. Он не на шутку рассердился и за деньги, и за неудовлетворительную вещь:

– Боже мой, да когда же эти художники тебя проучат и так тебя намалюют, что раз навсегда отобьют охоту к подобной пачкотне...

И каждый мой новый портрет неизменно сопровождался неприятностями, но я опять и опять позировала по просьбе Репина, неутомимо споря с ним из-за позы и безбожной безвкусицы в выборе кресла, на которое я должна была опираться или сидеть. Всё-таки мне не удалось избежать буковой качалки – идеал Репина, – на которую я неминуемо попала на одном угловом этюде. Кроме меня, он написал ещё композитора Кюи в этом же нелепом кресле, Дузе и ещё нескольких человек всё на тех же тонетовских или венских качалках. Не понимаю, что они ему так дались?

Как всегда, портрет во весь рост его устрашал, и почему-то ноги на женских портретах у него никогда не были дописаны. Поэтому бар. Штейнгель, бар. Иксуль написаны им с отрубленными по щиколотку ногами, точно не хватило холста. Шлейфов он тоже, по-видимому, до смерти боялся.

На моём последнем портрете во весь рост мало того, что отсутствовали ноги, но и рука оказалась сломанной, точно приставленной. Репин два раза присылал мне этот портрет, и я два раза его отсылала. Однажды он выставил его, но не посмел написать, что это я, а назвал его по каталогу «Повелительница» – вероятно, он хотел меня этим уязвить, но я была в восторге, что эта «повелительница» не причинила мне новой драмы с мужем и новых неизбежных расходов.

Раз Репин приехал к нам в деревню погостить, и тут случилась для Киту большая неприятность: он задумал написать её портрет. Конечно, как и всегда, при этом был пущен в ход известный «репертуарчик». Начались намёки, как хорошо было бы именно её написать: он отходил, подходил к ней на кругленьких согнутых ножках, причём сам делался маленький-маленький, щурился и, закатывая глаза, говорил: «Ах... Да... Как хорошо...»

Бедная Киту не на шутку всполошилась от этого предложения – она довольно насмотрелась на мои мучения. Но пришлось всё-таки сдаться. Притом Репин тонко дал понять, что он это так, из дружбы и желания сделать мне удовольствие, хочет оставить «память» о своём пребывании. После этого отказываться было невозможно.

В сущности, Репин имел в виду не Киту, он давно подбирался к моему мужу, ухаживал за ним, но получил весьма категорический отказ. Меня же он только что писал и очень неудачно. Таким образом, оставалась одна Киту, которая не нашлась и не посмела дать ему отпор, как князь.

Наконец начались для бедной Киту сеансы. В мастерской по утрам работала я, и Репин любезно давал мне советы и в то же время делал наброски. Раз он, шутя, написал с меня маленький этюдик красками со спины, за мольбертом, с натурщицей на фоне. Это, несомненно, мой лучший «портретик», им написанный.

После завтрака в мастерскую приходила Киту в белом суконном платье и соломенной шляпе. В мастерскую днём никто не входил, чтобы не мешать. Вначале всё шло хорошо. Но раз Киту пришла ко мне в отчаянии, прося моего вмешательства. Дело в том, что Репин вздумал написать за спиной Киту открытый пёстрый, ситцевый зонтик. Эта выдумка сильно не понравилась Киту, так как она никогда не употребляла и вообще не любила зонтиков. К тому же, какой смысл имела эта вещь, если портрет писался в комнате, на тёмно-зелёном плюшевом фоне? Для такого крупного мастера подобная безвкусица была непростительна. Тут атрибуты даже не согласовывались с характером личности.

Я горячо вступилась за Киту, вполне разделяя её неудовольствие. Но, как я ни спорила, как ни доказывала эту бессмыслицу – кажется, ещё немного, и вышла бы ссора, – он упёрся на своём. Так Киту и осталась в строгом английском костюме с пёстрым ситцевым зонтиком на плече. Каждый раз, как она шла позировать, как на заклинание, я читала трогательную грусть в её выразительных глазах.

К сожалению, этот портрет, казавшийся вначале свежим, теперь сильно потускнел [*Портрет Е.К. Святополк-Четвертинской датирован И.Е. Репиным 1896 г., хранится в частной коллекции в Чехословакии.*]. Я объясняю это тем, что Репин, вероятно для экономии, пишет всегда свои картины на самом простом керосине, а этот продукт имеет свойство со временем желтеть. Мои портреты тоже все потускнели, вероятно, от той же причины.

Уезжая, Репин, должно быть, забыл, что он хотел оставить «память о своём пребывании» у меня, и за эту «память» я тоже уплатила ему тысячи.

Вообще мне много пришлось поспорить с Репиным. Недостаток вкуса, поражающий у художника, отсутствие всякого инстинкта красоты приводили меня в полное недоумение. В его мастерской и в доме – ни вещицы изящной или старинной, всё было холодно, плоско, дёшево и грязновато.

Много рассказывали мне о Репине и ученики его, и люди, имевшие с ним дело, во многом упрекая и осуждая его как человека. Но частная жизнь Репина не интересует меня. Однако кому дано много, с того много и взыщется. Общество наложило на него венец славы, и невольно хочется понять, каким образом он дошёл до неё.

Не тем ли, что усердно угождал, подлаживался к толпе? Не стараясь руководить ею, законодательствовать, – что было бы симпатичнее, а главное, достойнее великого художника, – он гнался за лёгким успехом, пустившись, например, по пути дешёвого, льстивого иллюстратора Льва Толстого, постоянно изображая его то с плугом, то за другими работами, то босиком – Толстой под всеми соусами.

Сила Толстого, конечно, не в этих странных причудах избалованного барина, играющего то в пахаря, то в сапожника, то в печника. Вероятно, эти физические упражнения делались просто для здоровья, по предписанию доктора или по собственной потребности в физическом труде, и, если бы этого никто не знал, если бы об этом не говорили и

не подчёркивали, Толстой остался бы тем же великим писателем. Фокусы эти нисколько не увеличивали его славы. Не дело было его якобы друзей обнародовать слабые стороны интимной жизни великого писателя. Можно только удивляться, что такой гениальный человек, как Толстой, поддался неумной выдумке Репина, позволив показать себя с этой смешной стороны.

Что изобретательный и практичный Репин подобрался к Толстому, ловко связав своё имя с его именем, – неудивительно: он отлично понял, что Толстой босой, Толстой, держащийся за плуг, притянет на выставке внимание публики, и все побегут смотреть на это как на курьёз, новинку, нечто оригинальное. Не как на художественное произведение, а именно как на курьёз. Художественного в этих картинках не было решительно ничего. Таким образом, Репин долго питался Толстым – и, вероятно, ещё долго будет, – и, конечно, цеплялся за него, не отдавая себе отчёта, что в этом случае блистательно оправдывается поговорка «на всякого мудреца довольно простоты». Другой мудрец, может быть, и не такой гениальный, как Толстой, пожалуй, не позволил бы выставить себя на посмешище. Как же тут не цепляться за такого кормильца?

Такие художники, конечно, есть везде. Бона в Париже знают как портретиста официальных лиц. Все президенты и министры обыкновенно проходят через его руки – это его специальность. Репин всегда гоняется за человеком «злобы дня», и в этом постоянно чувствуется личная реклама, что-то сделанное, несимпатичное. Просто типичное лицо или интересная физиономия неизвестного человека не остановят его внимания, ему нужен ярлык.

Сколько писателей и даже писательниц таким способом вылезли в литературу и заставили печатать свои вещи потому только, что описывали известных, крупных людей или кормились разбором сочинений гениальных писателей, постоянно ставя своё имя рядом с каким-нибудь великим именем и делая это с такой настойчивостью, что публика невольно запоминала их вместе, как запоминаются те огромные рекламные вывески, которые на каждом шагу в городах не дают нам покоя: «Гала-Петер» и т.д.

Но что простительно или только смешно в каком-нибудь литературном ничтожестве, то непростительно большому художнику...

Напускной либерализм Репина не помешал ему, однако, примазаться к выгодному правительственному заказу – картине заседания Государственного совета. Ни звёзды, ни ленты через плечо, по-видимому, не претили ему в эту минуту, когда он имел с ними дело. Каждого из членов Государственного совета он писал отдельно, и с этими людьми, представителями той власти, которую он не уважает, врагом которой он выставляет себя, он сумел «помолчать». Конечно, он всегда чихает, когда чихает Толстой, но когда запахло выгодой, он ловко и вовремя спрятал свои убеждения.

Первая манера его письма была хороша. Мужские портреты ему удавались, но ему никогда не следовало бы браться за женские и за священные сюжеты. Его картина «Николай Чудотворец» не только не художественна, но и крайне антипатична. Она суха, мертва, в ней нет ни настоящих типов, ни религиозного чувства, ни верной передачи эпохи.

Слава, приобретённая Репиным, – преувеличенная или нет, это покажет будущее – всё же сделала то, что к нему

валила молодёжь учиться со всех концов России. Однажды он предложил мне устроить в моей мастерской в Петербурге студию для подготовки молодых людей к высшему художественному образованию. Конечно, я откликнулась с радостью на это предложение, потому что в Петербурге до той поры не существовало никаких классов для перехода из рисовальных школ в Академию художеств.

Студия наша сразу завоевала себе почётное место [Первое упоминание о студии в переписке Репина относится к 1895 г. (письмо к Третьякову от 26 ноября)]. Желающих поступить в так называемую «тенишевскую школу» было в десять раз больше, чем позволяло помещение. В нём могли работать при двух натурщиках от пятидесяти до шестидесяти человек. В начале учебного сезона места брались положительно с боя, иногда даже происходили очень тяжёлые сцены отчаяния, когда Репин, после пробных занятий, отстранял того или другого ученика, не находя в нём достаточно данных. Горе этих молодых людей глубоко трогало меня.

Между учащимися были сын Репина Юрий, Елена Маковская (дочь Константина) и Иван Яковлевич Билибин, ставший потом известностью. Он был ещё в университете, когда начал ходить в нашу студию. Кроме него, было ещё несколько студентов, был один японец, Ида, очень талантливый, впоследствии уехавший в Англию и ставший там знаменитостью, было ещё много барышень и даже офицеров. Компания в высшей степени пестрая, милая, со страстью отдававшаяся работе, искренно любящая искусство. Народ всё способный, молодой и многообещающий. Репин приходил раз в неделю, а иногда чаще, поправлять этюды, а раз в месяц устраивался конкурс эскизов на заданную тему.

Студия выходила на Галерную. На этой улице не было ни ресторана, ни приличной столовой или кондитерской. Пойти закусить или позавтракать было некуда, приходилось для этого переходить огромную Исаакиевскую площадь, бог весть куда, что отнимало много времени. Петербургский зимний день уж и так короток, поэтому многие предпочитали голодать до вечера. Я придумала, чтобы устранить это неудобство, устроить в особой комнате, рядом с мастерской, что-то вроде чайной. В двенадцать часов подавался огромный самовар с большим количеством булок. Вначале мои художники стеснялись пользоваться даровым чаем, отказывались под разными предлогами, некоторые даже удирали до двенадцати часов, но потом понемногу привыкли к этому обычаю, тем более что я приходила вначале сама с ними пить чай во время перемены, приглашая составить мне компанию. В конце концов все до такой степени привыкли к этому чаю, что потом, уже поступив в Академию, прибегали к нам оттуда, даже приводя с собой товарищей. Меня же это очень радовало.

Иногда у нас в студии по вечерам собирались художники, пели, играли и даже танцевали, устраивались чтения, и всегда было так молодо, весело, непринуждённо. Однажды я устроила для моих больших детей нарядную ёлку, на которой красовались карандаши, резинки и много сладостей, а потом мы до утра танцевали. Кажется, это единственное место в Петербурге, где я так от души веселилась.

А вот и причина, почему я подвергалась стольким неудачным портретам Репина – портреты были предложением заинтересовать, закупить его как популярного руководителя, и вот почему я постоянно терпела неудовольствия

мужа и частые упреки. Я старалась поддерживать наши кажущиеся добрыми отношения с Репиным только ради студии, которая, благодаря портретам, процветала и дала блестящие результаты. Это была жертва для идеи.

Студия просуществовала восемь или девять лет и была закрыта исключительно по капризу Репина, не пожелавшего больше ею заниматься, вероятно, потому, что интересы, которые он преследовал, не увенчались ожидаемым успехом...

Параллельно с моей петербургской студией я открыла начальную рисовальную школу в Смоленске... [Школа была открыта 1 декабря 1896 г.] Репин очень меня поддерживал в этой затее и даже выхлопотал мне из Академии несколько художественных классических гипсов для этой цели. Но, несмотря на это, Репин остался Репиным. Желая отделаться от своего помощника в нашей студии, Куренного – человека малоспособного и как преподавателя, и как художника, вялого, типичного хохла – порекомендовал мне его как руководителя для смоленской школы. Думая, что он будет там более на месте, чем в Петербурге, я взяла его.

В Смоленске у Киту был дом, в котором мы обыкновенно останавливались, когда приезжали на лошадях, в город. В нём устроила школу, приспособив здание для этой цели: в верхнем этаже были устроены курсы, а в нижнем – квартира Куренному.

Цель школы была привлечь побольше мастеровых и дать им знание рисования, которое в их работе очень ценно. В Смоленске, например, процветает гончарное производство, и мастер, подучившись рисовать, мог бы с большим вкусом разрисовать свои горшки и тем поднять как самое производство, так и стоимость своих изделий. Точно так же и столяры, резчики и т.д.

Но из мастеров поступило очень мало. Было два-три мальчика лет пятнадцати-шестнадцати, остальной же контингент состоял почти исключительно из барышень, которые от нечего делать бросаются во все консерватории, курсы и рисовальные классы без всякого к тому призвания.

По приезде в Смоленск на следующую весну я с горестью увидела, что моя школа напоминает школу Штигилица или Общества поощрения художеств, где, например, обучались когда-то сёстры Тепляковы, которым вместе было чуть не двести лет... Я отнесла это к неумению Куренного привлечь к себе народные силы, несмотря на неё мои письма и указания ему. Впечатление, вынесенное мной, было плачевное и очень расхолило меня к этому делу. Куренной же произвёл совсем уморительное впечатление. Со своим вечно красным лицом, глубоко сидящими, маленькими, хитренькими глазами, он сделался поэтичным в этой группе вздыхавших и окружавших его девиц, придал себе томный вид и облёкся в светло-серый костюм с бесконечно длинными концами белого галстука – вероятно, желая придать себе вид старинного маэстро...

Всё это мне очень не понравилось, и не для этого я открывала школу.

Как раз в это время, когда меня постигло такое разочарование, мой муж открыл своё училище на Моховой (в 1895 году), и как когда-то Репин ловко свалил с себя Куренного на мою шею, так же ловко я передала его мужу в качестве преподавателя рисования для его петербургской школы. Этим и окончилась деятельность смоленской школы, просуществовавшей всего две-три зимы.

МАСТЕР-КЛАСС

ОТ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

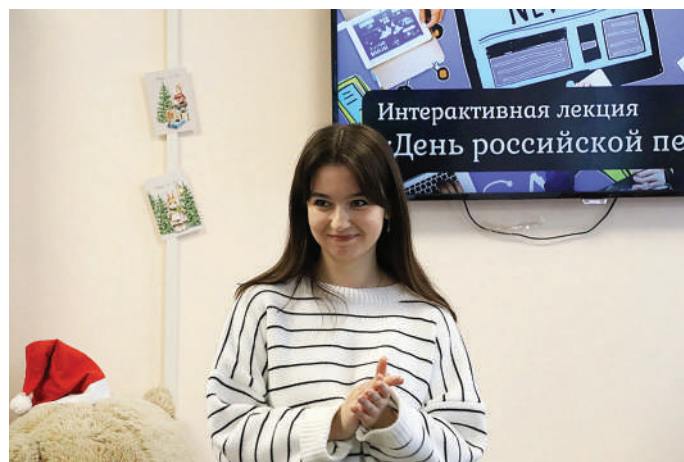
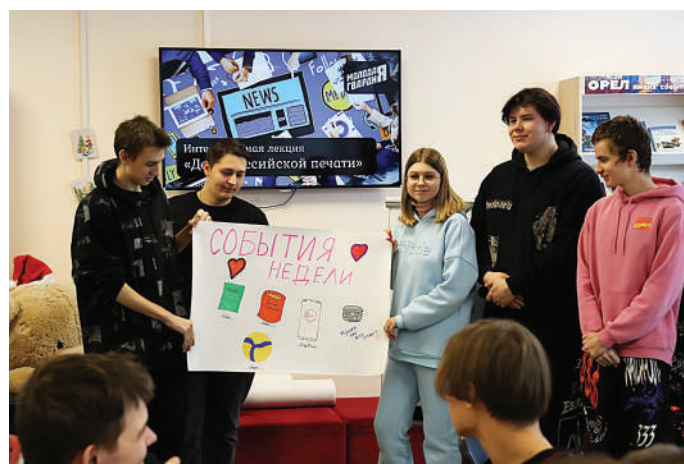

Член Союза российских писателей Ольга Аристархина приняла участие в организованной активистами регионального отделения «Молодой Гвардии» интерактивной лекции, посвящённой Дню российской печати, рассказала орловским студентам о журналистском и писательском мастерстве, поделилась своим профессиональным опытом.

Студентам Многопрофильного колледжа ОГАУ имени Н.В. Парахина поведали о развитии журналистики в России, начиная с появления первых га-

зет и журналов до современных медиа-технологий.

Помимо теоретической информации студентам предложили практическую задачу – нарисовать свою газету. Ребята получили возможность проявить творческий подход и представить свои идеи в виде статей, заголовков, иллюстраций и даже комиксов.

Выбор фермера Молчанова

*Недавно он побывал вблизи рубежей,
где наши воины сражаются с укронацистами*

ЗАГЛЯДЫВАЯ В ПРОШЛОЕ

У болховского села Борилово долгая и славная история. Впервые в документальных источниках оно упоминается в 1686 году. Но много веков назад, ещё в домонгольское время, по сведениям археологов, на месте нахождения села существовал древнейший город. Проведённые в 70-х годах XX века раскопки и найденные здесь артефакты стали тому серьёзным доказательством. Во время раскопок были обнаружены оборонительные валы на западной окраине села, предметы быта, присущие как раз городским поселениям.

В старину через село пролегал так называемый татарский Свиной шлях. Само название села историки и краеведы ставят в связь с татарскими временами, не без основания полагая, что оно указывает на борьбу, которая здесь некогда велась с татарскими полчищами, разорявшими Русь.

Летом 1943 года в районе Борилово произошло одно из крупнейших танковых сражений, по некоторым данным в нём участвовало с обеих сторон не менее 1300 бронированных машин.

Ещё три десятилетия назад село процветало, протянувшись по обеим берегам реки Нутрь на несколько километров. Но совхоз «Бориловский», бывший здесь, не вынес наступления рынка, развалился, а вместе с ним от большого села остались одни воспоминания.

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

Несколько лет земли некогда крепкого хозяйства зарастали, люди покидали обжитые места, не видя перспектив. Но не все. Нашлись крепкие ребята, настоящие мужики, кто, не испугавшись, взялся за дело, стал пахать и сеять, шаг за шагом восстанавливать земледелие на окрестных полях.

Первыми, можно сказать, первопроходцами бориловского фермерства, были хорошо известные ныне не только в масштабах района Владимир Шашков и Виктор Снурницын. Об этих людях мы обязательно подготовим отдельный материал.

Вслед за ними потянулись и другие, и одним из них был водитель Анатолий Молчанов. Добродушный, открытый человек, знающий цену и шутке, и делу.

– Собственно, что тут скрывать, – признаётся Молчанов. – Шашков и Снурницын и сподвигли нас пойти в фермеры. Нас – это меня и мою сестру, Антонину. Кто, если не мы, говорили они, надо же кому-то хлеб растить. В ту пору, а это ближе к 2000-м, я работал частным порядком на грузовике, доставлял всякие грузы по городам и весям. А сестра трудилась в торговле. Скопился некоторый капитал, стали думать, куда его вложить. Решили так: мы же сельские люди, к земле привычные, вот в обработку земли и будем вкладывать.

Во главе хозяйства стал, конечно, он, Анатолий, а сестра помогала: где советом, где рублём. Начинать будущий фермер, как и многие в ту пору, с малого – с двух десятков

гектаров, куда входили земельные доли всей семьи, которые полагались работникам бывшего совхоза при проведении реформы. Но люди знали: Молчанов человек работающий, рукастый, дружит с головой, с дисциплиной, дело у него заладится. И стали предлагать ему в аренду свои земельные доли. Так в фермерском активе набралось 200 га и с каждым годом эта площадь только увеличивалась.

– Совхоз «Бориловский», в котором всю жизнь трудились мои родители, простые крестьяне, – вспоминает Анатолий, – даже по тем временам был далеко не маленьким: общий земельный массив составлял пять с лишним тысяч га. Однако сразу забрать и обработать пустовавшую землю всем нам, местным фермерам, которых было уже четверо, оказалось не под силу: не хватало техники, рабочих рук, финансовых ресурсов. И даже сейчас, когда у того же Шашкова около 2000 тысяч гектаров пашни, солидный участок земли у Снурницына, 1000 гектаров у меня, ещё остаются гектаров 150, которые нужно рекультивировать и возвращать в севооборот.

С ЯРОВОЙ ПШЕНИЦЕЙ НЕ ЗАЛАДИЛОСЬ

Время летит стремительно, словно курьерский поезд.

– Казалось бы, совсем недавно всё начиналось, – с неизменной улыбкой говорит мой собеседник, – а вот уже почти четверть века фермерскому хозяйству Молчанова. Худо-бедно, всё понемногу сложилось, позади трудности первых самых тяжёлых лет, когда ни техники не было нужной, ни финансов, чтобы закрыть ту или иную проблему, ни собственной базы.

Базу свою Анатолий Михайлович тем не менее построил: купил за 90 тысяч рублей участок непахотной земли площадью один гектар, привёл территорию в порядок, по-

строил ангары для хранения зерна и удобрений, гараж под комбайны и другую технику, прочие хозяйственные и офисные помещения.

В выборе посевных культур он столь же аккуратен и рассудителен, как и в любом другом деле.

– Не в моей привычке разбрасываться, – аргументирует он свою позицию. – Поэтому на своих полях предпочитаю выращивать пшеницу озимую, гречиху, ячмень и рапс. А вот от яровой пшеницы несколько лет назад отказался. Причина была в одном: отсутствие урожая, год, другой... Может быть, семена подвели, или для них почва наша, климат не подошёл. Решил, что достаточно будет пшеницы озимой. На неё и спрос лучше, и выбор семенного материала богаче, и она более приспособлена к нашим землям и перепадам температур.

Сегодня, благодаря отличной технике, новым технологиям и тем же высокопродуктивным семенам, не только крупные холдинги, но и обычные фермеры научились получать отменные урожаи зерновых и масличных культур. У Молчанова с этим тоже полный порядок. В этом году, говорит он, пшеница и ячмень дали на круг по шесть тонн качественно-го зерна, почти по четыре тонны на каждом гектаре уродился рапс, по 19 ц/га – гречиха.

НЕПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ

И всё бы замечательно, да вот цены...

– Понятно, что урожай по стране хорош, – соглашается Молчанов, – что санкции, ограничения на экспорт и прочее. А что делать фермеру, земледельцу? На его продукцию цена падает, а на удобрения, средства защиты, запчасти, ГСМ растёт, да ещё как! И почему зерно дешевеет, а цена на хлеб в магазинах нет, скорее наоборот? Это непростые вопросы, на которые должен быть ответ, поскольку фермеру нужно развиваться, отдавать кредиты, платить людям зарплату, налоги...

Несколько лет назад, когда цены на зерно способствовали развитию, Анатолию удалось существенно обновить машинно-тракторный парк. Сейчас в его хозяйстве несколько тракторов марки «Беларусь» и ХТЗ, которые теперь выпускают в Белгороде, необходимый набор навесного и посевного оборудования. Для уборки урожая имеется три новых комбайна «АКРОС», а также грузовики для перевозки зерна и прочих грузов. В этом году приобрёл в кредит новый мощный трактор «Кировец» плюс к такому же, купленному ранее.

– Надо сказать откровенно, – рассуждает он, – что государство все последние годы оказывало земледельцам немалую помощь. Те же льготные кредиты под 5% годовых, это же великое дело! Я неоднократно пользовался кредитной поддержкой Сбера, Россельхозбанка. Хочется верить, что это не уйдёт в историю, будет продолжаться.

Анатолий Молчанов прекрасно понимает и умеет ценить подобные вещи. И сам он, в меру своих фермерских сил и возможностей, оказывает помощь другим, тем же пенсионерам, своим землякам. Кому огород вспашет, кому машину для хозяйственных нужд выделит. А ещё у него, помимо 600 га собственной земли, есть 400 га арендованной.

– Это земля пайщиков, таковых у меня 37 человек, – поясняет он. – Согласно договорам аренды, выделяю на земельный пай по 700 кг зерна либо денежный эквивалент стоимости этого зерна. Плюс разные транспортные и про-

чие услуги. Работники хозяйства, кто участвует в уборке урожая, получают помимо зарплаты, по 5 тонн семян, в основном в том же денежном эквиваленте.

Всего в хозяйстве Молчанова работают 8 человек, он – девятый. Средняя зарплата по году – не меньше 40 тысяч рублей в месяц, а в период уборки урожая те же комбайнёры могут заработать не менее 250 тысяч. Согласитесь, это хороший стимул для хорошей работы.

В семье у Анатолия Михайловича две взрослые дочери и четверо внуков. По его словам, самый большой интерес к работе земледельца проявляет 13-летний внук Георгий, который не просто приезжает в гости, но и помогает, приглашается. Даст Бог, может, в будущем именно он станет у руля фермерского хозяйства Анатолия Молчанова. Правда, есть и другие внуки, поменьше, так что надежда и выбор на продолжение дела Молчанова-старшего имеется.

ТАМ РЕБЯТА БЬЮТСЯ ЗА НАС

Фермеры из села Борилово прославились не только своей отличной работой и верностью земле. Шашков и Снурницын восстановили церковь в селе Борилово, возвели колокольню. Молчанов участвовал в реставрации Георгиевской церкви в Болхове. А ещё все трое плюс Сергей Малашин, тоже фермер, – в числе тех, кто самым активным образом, по зову сердца и велению души, помогает нашим бойцам в зоне СВО.

Едва ли не каждый месяц туда, на передовую, отправляются посылки, как принято говорить, с оборудованием, материалами и вещами, которые все четверо приобретают на свои средства. А Владимир Шашков купил и отправил нашим ребятам новый автомобиль высокой проходимости.

Несколько месяцев назад вместе с другими фермерами и представителями района выезжал ближе к фронту и Анатолий Молчанов.

– Побывали в одной из танковых частей, – рассказывает он. – Привозили генераторы, бензопилы, сетки металлические, они нужны для защиты от дронов. А ещё термобельё, тёплое и нижнее бельё, на передовой это всё крайне востребовано. И продукты, конечно, гостинцы для бойцов. Местные жители тоже по возможности участвуют в этой гуманитарной помощи. Соленья, варенья, выпечка, тёплые носки, шарфы, прочие вязаные вещи, приносят и передают кто, что может. Считаю это не только своим человеческим долгом, а долгом святым. Ведь там ребята бьются за нас, защищают нашу землю от бандеровской погани и «цивилизованного» колонизатора Запада.

Анатолий Михайлович сообщил, что в этой борьбе участвуют и местные, бориловские, ребята. Один из них – Иван Сидоров, ушёл добровольцем, был ранен, сейчас находится дома. У него недавно ребёнок родился, уже третий в семье. Вместе с радостью переживает Иван: надо жене помочь, семья-то теперь большая, а там, на передовой, ребята – как их оставить?! По всему получается для Ивана настоящий момент истины: долг отца и долг воина. И как лучше в этом случае поступить – знает только он один.

Есть и другие парни и мужики. И пусть в самом селе Борилово многие из них уже не живут, но они выросли здесь, отсюда их корни. А значит, все свои, местные.

Михаил КОНЬШИН
Фото Ирины Алёшиной

Академия изящной
словесности

«Орлея»

Год назад мы создали Академию изящной словесности «Орлея», чтобы собрать талантливых ребят, участвующих в наших конкурсах (и не только), помочь им совершенствоваться в литературном творчестве, публиковать свои произведения и книги.

В минувшем году мы провели большой конкурс имени М.М. Пришвина «Добром за добро!», познакомились с новыми юными талантами, наградили лауреатов в чудесном Доме-музее в Дунино, а потом и в орловской библиотеке «Пришвинке». Весь год мы проводили мастер-классы, обсуждали стихи и прозу, а также произведения классиков, много говорили о круге чтения и о необходимости смотреть на литературу с точки зрения продвинутого читателя. Те произведения, которые вы прочитаете в этом журнале, — творчество наших семинаристов.

Я очень надеюсь, что мы ещё услышим о них в большой литературе. А пока они только делают первые шаги, не судите строго.

Диана БЛИНЦОВСКАЯ, 2006 г.р., Краснодарский край

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

В странном, холодном и безжизненно-чёрном пространстве, где не было ни стен, ни потолка, обхватив колени дрожащими руками, сидел ребёнок и, задыхаясь от слёз, бормотал сорванным голосом:

— Мама! Где ты, мамочка? Мне очень страшно! Забери меня отсюда! Мама...

Мальчик не понимал, как и за что здесь очутился, ведь точно не проказничал и не расстраивал никого из взрослых, чтобы заслужить такое наказание. Вначале он ходил кругами, стараясь найти выход, и звонко звал на помощь, но в ответ получал только эхо, поэтому вскоре понял тщетность своих попыток и сдался. Но всё-таки продолжал бить слабым кулачком по туманной поверхности, играющей роль пола, смутно надеясь уничтожить её и вернуться домой. Увы, его вновь встретило разочарование: покрытие не уменьшилось, но зато добавилась сильная боль в руке. И тогда ему больше ничего не оставалось, кроме как сесть и горько заплакать.

— Мамочка...

— Эй, малыш! Ты чего? — внезапно раздался незнакомый, но приятный и дружелюбный голос.

Вздрогнув от неожиданности, ребёнок поднял голову и увидел прямо перед собой серый силуэт мужчины, лицо которого скрывал капюшон.

— Я... я хочу домой...

— Понимаю тебя: я тоже, — он присел рядом.

Эти слова были произнесены с такой интонацией, что мальчик даже ненадолго забыл о своей проблеме и попытался заглянуть незнакомцу в лицо.

— А почему вы не можете туда попасть? Мы здесь застряли, да?

— Пожалуй, ты прав. Но это временно, не переживай.

— Мне страшно... — он вновь огляделся вокруг, и его глаза наполнились слезами.

— Отчего?

— Я боюсь темноты!

— Смотри, малыш, мы здесь находимся уже достаточно долго, но ничего плохого не происходит. Следовательно, мрак не так уж и страшен, верно?

— Верно. Правда, из этой темноты в любое мгновение может кто-то выскочить...

— Не волнуйся, я этого не допущу.

— Да, но... — мальчик попытался набраться мужества, однако ужас оказался сильнее. — Всё равно жутко!

— Хм, а если так?

Мужчина щёлкнул пальцами, и перед ними буквально через миг появился фонарь с тёплым ярко-жёлтым светом, который он сразу передал своему маленькому собеседнику.

— Вы управляете магией!

— Нет, я только учусь, — улыбаясь, ответил незнакомец.

— Кто же вы тогда?

— А кого ты во мне видишь?

— Доброго волшебника!

— Ну хорошо, буду, значит, добрым волшебником.

Ребёнок постарался разглядеть его лицо, но капюшон никак не давал это сделать. И он, тут же позабыв об этом стремлении и подумав о чём-то своём, залиvisto засмеялся, будто недавних слёз не существовало и вовсе.

— Что же тебя так рассмешило?

— Знаете, я сначала подумал, что попал в одну из страшилек, которую рассказывали одноклассники, но теперь вижу, что я в сказке!

— Ну вот и замечательно. Можем пройтись, если хочешь, ведь теперь мгла нам не страшна.

— Да, давайте!

Мальчик вприпрыжку побежал вперёд, освещая путь и ведя за собой незнакомца. Он рассказывал про маму, школу и друзей, а мужчина его внимательно слушал и серьёзно комментировал почти каждую фразу, то усмехаясь, то поражаясь его находчивости, то давая оригинальные советы. От этого малыш пришёл в дикий восторг, так как найти взрослого друга было едва ли не мечтой, вызванной ранней смертью отца, которого он видел лишь на фотографиях.

— Мама говорит, что папа был лучшим и что он очень ждал моего появления.

— А что же с ним случилось?

— Он попал в аварию и разбился... Но я всё равно ежедневно смотрю на его фото и желаю ему доброго утра, потому что мама считает, что он всегда рядом со мной, вот тут, — он ткнул свободной рукой в место расположения сердца, — и что мы с ним обязательно встретимся и будем счастливы.

Услышав эти слова, незнакомец ещё сильнее натянул капюшон, чтобы спрятать от наивного и искреннего взгляда ребёнка какую-то личную боль, после чего плавно сменил тему.

Как только мальчику стало лучше, как только он подумал, что всё кошмарное осталось позади, откуда-то издали послышались чьё-то рычание и громкий топот.

— Кто это? — он задрожал, почувствовав, как сердце ушло в пятки, и случайно выронил из рук фонарь, который тут же исчез, словно голограмма.

— Так, малыш, не беспокойся. Это просто воплощение твоего страха темноты. Его необходимо победить, чтобы стать сильнее, и ничего более. Ты должен справиться.

Странное чудовище, напоминающее костлявого, ободранного, гигантского волка, стремительно приближалось, а его намерения становились всё более явными.

Ребёнок спрятался за незнакомца, как за единственного человека, способного спасти его от ужасной участи, а тот, оставаясь абсолютно невозмутимым, прижал мальчика к себе.

— Забудь о нём: только так возможно выиграть.
— Я не могу!
— Подумай о чём-то хорошем и важном.
— Не получается!
— Кого ты хочешь видеть на месте этого монстра?
— Я не знаю! Прогоните его, вы ведь можете!
— Нет, это способен сделать только ты, но я буду здесь, с тобой.

Жестокий зверь продолжал нестись вперёд, раскрывая огромную пасть. Его кровожадные глаза, светящиеся в темноте, сверкали безумием, а когти были длинными и острыми. Мальчик хотел бежать, но осознавал, что некуда, что поблизости нет абсолютно ничего, за что можно было бы спрятаться, поэтому просто уткнулся лицом в серую кофту своего старшего друга, чтобы не видеть, что вот-вот произойдёт.

— Скорее представляй самую заветную мечту, скорее!
— Я хочу щенка ретривера! — едва ли не крикнул ребёнок.
— Опиши, какой он будет!
— Добрый! — он задыхался от страха и рыданий, понимая, что скорее всего в последний раз представляет заветное желание. — Игривый! Дружелюбный! У него будет яркая-яркая золотистая шерсть! И он будет приносить палочку и любить меня!

Вдруг он почувствовал прямо над собой горячее дыхание и, сжав холодную, но в то же время нежную руку мужчины и зажмурившись так сильно, насколько мог, тихо прошептал: "Мама!"

Время будто застыло. Мальчику показалось, что он стоит, ожидая смерть, уже несколько часов, но ничего не происходит. Тогда, немного осмелев, он слегка повернулся назад и тут же вместо ожидаемой боли ощутил прикосновение чего-то огромного, тёплого и влажного.

Любопытство взяло над ним верх, и он отпустил руку нового друга, чтобы подойти поближе и разглядеть необычное существо. Тем временем незнакомец создал второй фонарь, ни в чём не уступающий первому, и незаметно передал его заворожённому ребёнку. Как только тот направил свет на уникального зверя, превосходящего его в росте в несколько раз, то в первую очередь увидел преданный собачий взгляд, высунутый розовый язык, который уже успел почувствовать на себе, свисающие мягкие уши и бесконечно виляющий хвост.

— Это же... это же щенок ретривера! — мальчик захлопал в ладоши и, забыв все свои прежние страхи, обнял его за лапу — единственную часть тела, до которой доставал.

— Ну что, малыш, ты счастлив? — мужчина, не переставая улыбаться, потрепал маленького собеседника по голове.

— Да, да, да! Как вы это сделали?

— Я? Нет, ты сам всё выполнил. Тебе всего лишь нужно было не испугаться, поверить в себя, увидеть, что рядом есть близкие люди, и подумать о чём-то хорошем. Это порой бывает непросто не только детям, но и взрослым — им даже, наверное, тяжелее, — однако ты прекрасно справился, в чём я ничуть не сомневался.

— А такое всегда работает? — глядя огромные уши ретривера, который лёг возле него, и особо не вслушиваясь в слова старшего друга, спросил ребёнок. — Или только здесь?

— Что ж, я давно не был в твоём мире, поэтому ничего сказать не могу. Но давай договоримся: ты позже опробуешь этот способ и при нашей следующей встрече мне всё подробно расскажешь.

— Конечно! — немного помолчав, он добавил: — А почему вы давно там не были?

— Это долгая история... Как-нибудь я её тебе обязательно расскажу.

— Разве у нас не принимают волшебников? — перебил

мальчик. — Если это так, то вы всё равно всегда можете прийти ко мне в гости. Мама не будет против: вы ей точно понравитесь, тем более у меня есть своя комната, и мы не будем мешать, — гордо закончил он.

— Спасибо тебе за приглашение, я постараюсь им воспользоваться, — незнакомец улыбнулся, но как-то слишком криво, затем постарался вернуть невозмутимость и сказал: — А сейчас предлагаю тебе пойти туда, — он взмахнул рукой, и где-то впереди стал виднеться зелёный сад, освещённый сияющим солнцем.

Мальчик радостно кивнул головой и, воскликнув: "А кто быстрее?", наперегонки с собакой побежал к волшебному месту. Щенок, благодаря своим невероятным размерам, его, конечно, обогнал и преспокойно уселся посреди дороги в ожидании маленького хозяина, уже успевшего устать от быстрого темпа. Но незнакомец, чтобы не ухудшить настроение ребёнка и дать ему возможность отдохнуть, придумал интересную идею: они сели на спину ретривера и втроем помчались к новым приключениям, обещающим лишь хорошее.

Спустя несколько минут наши герои достигли удивительного сада, заполненного лиственными деревьями, высокой мягкой травой и цветами необыкновенной красоты. Всё вокруг пестрело яркими оттенками, и со всех сторон доносилось мелодичное щебетание птиц. У мальчика даже закружилась голова от резкой смены обстановки и невозможности выбрать, на чём остановить взгляд и на какое чудо первым делом обратить внимание, но он быстро пришёл в себя, так как не мог попусту тратить драгоценное время.

Мужчина спрыгнул вниз и помог спуститься маленькому другу, а затем нашёл лежащую на земле сухую ветку и передал ему со словами:

— Ты же хотел, чтобы пёс приносил её. Давай проверим, получится ли это.

— Да! — он показал собаке палочку, замахнулся и, кинув её, закричал: — Лови!

Ретривер тут же побежал за новой целью и буквально через десять секунд, будто улыбаясь выполненной миссии, уже мчался обратно. Однако, разыгравшись, он не смог остановиться и, вследствие размера и немаленького веса, просто снёс с ног своих новых друзей, которые лишь засмеялись, оказавшись на тёплой земле. Ребёнок, кинув палку в противоположную сторону, краем глаза посмотрел на незнакомца и увидел, что при падении с него слетел капюшон и больше ничего не прикрывало его лицо. Он перестал смеяться и начал вглядываться в черты, показавшиеся ему одновременно болезненно знакомыми и невероятно далёкими. Единственным, что мешало восприятию, были шрамы, глубоко вре́завшиеся в кожу и придававшие лицу мужчины слишком грубое выражение, отнюдь не соответствующее характеру.

— Что-то случилось, малыш? — мужчина встал и прервал молчание, только сейчас заметив его задумчивость.

— Папа?.. — только и смог прошептать он, сравнивая человека, находящегося прямо тут, возле него, с изображениями на фотографиях, которые рассматривал ежедневно и досконально запомнил, после чего уже уверенно и громко закричал. — Папа! Это ты, папа!

Не зная, как реагировать и что делать в подобной ситуации, незнакомец просто стоял в оцепенении и не шевелился, заново натянув на голову капюшон.

Мальчик вскопил с земли и, прыгнув, повис на его шее, не переставая повторять: "Папа! Значит, мама сказала правду! Значит, время пришло, и мы действительно встретились!" Тут уже отец не смог сдержаться: он сам снял капюшон и крепко обнял сына, а его грудь стала едва заметно вздрагивать.

— Сынок... Как я скучал по вам с мамой!..

Не двигаясь, они стояли в объятиях друг друга, пытаясь за какие-то жалкие мгновения впитать абсолютно всю любовь, накопившуюся за долгие годы разлуки. Даже щенок, давно принёсший палку, не посмел разрушить воссоединение родителя с ребёнком: он лёг рядом, положив голову на передние лапы и уткнувшись влажным носом в свою добычу, и принялся ждать.

— Папа, ты ведь больше никуда не уйдёшь, да? Пожалуй-ста, скажи "да"! — не переставая плакать от радости и печали одновременно, прошептал мальчик, на что мужчина не ответил, лишь сильнее прижав его к себе. — Папа, пообещай мне... Папа?

Повторив свою просьбу, малыш внезапно почувствовал, что остался совсем один. Его обдало холодным порывом завывающего ветра, и он понял, что обнимает пустоту... И отец, встречу с которым он и представить не мог, и щенок, ставший его заветной мечтой, и цветущий благоухающий сад, и даже жалкая палка — всё моментально исчезло, испарилось в воздухе, словно никогда и не существовало.

— Нет, нет, нет! Папочка, ты не можешь меня оставить! Папа, не уходи! Пожалуйста, папа!

Он вновь очутился в чёрном пространстве, с которого и начинал путь, и из его глаз опять полились слёзы, но уже не от страха, а от разочарования и разлуки с отцом, которого он только-только увидел и к которому уже успел привязаться. И теперь, в который раз прошептав уже заветное слово "папа", он неожиданно получил ответ, правда, не от него:

— Солнышко, с днём рождения! Тебе пора просыпаться, а то в школу опоздаешь.

Эти слова прозвучали где-то вдалеке, так что едва смогли донестись до адресата, как и нежный поцелуй мамы. Но её прикосновение оказалось для него спасением — некой лестницей, помогающей выбраться из окутывающего мрака и наконец-то вернуться домой. Мгла расступилась и резко вытолкнула за свои пределы ребёнка, мгновенно открывшего глаза в своей уютной комнате.

— Доброе утро, мамочка! Хорошо, я встаю. И тебе, папа, доброе утро, — тихо произнёс он, потягиваясь и обнимая фотографию в деревянной рамке.

Пока он поднимался с кровати, чистил зубы, переодевался и шёл завтракать, в его сознании сохранялось возбуждённое состояние, вызванное предвкушением праздника и состоящее из обрывочных воспоминаний предыдущего дня и планов на

Александра ВАЛИКОВА, 2004 г.р., г. Санкт-Петербург

ОСЕННИЙ ПЕТЕРБУРГ

Если медленно идти по улицам, то прекрасный осенний город развернётся перед глазами во всей своей красе. Забавно думать, что разноцветные листья, манящие своим красным, жёлтым или оранжевым цветом, когда-то просто светились изумрудно-зелёным или же распускались из почки... Правда, это не так уж и важно сейчас.

Но лёгкий, достаточно уже холодный ветерок дует, постоянно срывая то один, то другой листок. И вот они уже дружно кружатся в необыкновенном танце, то медленно устремляясь вверх, то стремительно падая вниз, словно воздушные гимнасты на цирковом представлении. Это завораживает и в то же время вселяет желание двигаться вперёд, что-то делать, а не просто стоять на месте безо всяких мыслей. Приятное чувство свободы действий... Жаль, что нельзя поделиться этим со всеми прохожими, которые только и делают, что ворчат, устало

сегодняшний. А сон, невероятно впечатливший его, как часто бывает, сохранил лишь факт своего присутствия и ничего более. В памяти не осталось ни страха, ни счастья, ни папы, ни ретривера, ни тёплого света фонаря. Мальчик только помнил, что ночью произошло что-то важное, но, как ни ломал голову, не мог вызвать в памяти даже фрагменты недавней встречи, поэтому переключился на мысли о торжестве. Он радостно подпрыгнул на месте и со всех ног помчался на кухню, ещё не догадываясь о сюрпризе.

Усевшись за стол, он следил за каждым движением мамы, ходящей кругами по квартире в сборах на работу, но в то же время решил самостоятельно не напоминать о подарке. И, когда он уже был готов признать, что надежды вновь не оправдались, что ничего не подготовлено, ожидания всё-таки оказались не напрасными.

Спрятав руки за спину, женщина встала перед сыном и, поцеловав его в лоб, сказала:

— Итак, пришло время подарка.

— Да! — ответил ребёнок, болтая ногами под столом и стора от интриги.

— Закрой глаза.

Он послушался, зажмурился как можно крепче, но, почувствовав на своей щеке такое же прикосновение, как и во сне — только в уменьшенном размере, — не удержался, взглянул на долгожданный сюрприз и, прижав его к себе, восторженно воскликнул:

— Это же... это же щенок ретривера!

Произнесённая фраза показалась ему знакомой и даже родной. Глядя уменьшенную копию своего четвероногого друга из волшебного царства сновидений, он с грустной улыбкой вспомнил практически всё, что ему приснилось этой ночью.

— Ещё раз поздравляю тебя с днём рождения!

— Спасибо!

Мама подошла к нему и, аккуратно потрепав бесконечно виляющую хвостом собаку за ухом, крепко прижала сына к себе, но внезапно малыш вскочил на ноги и, пробормотав: "Я сейчас вернусь!", куда-то умчался вместе со щенком. Через две минуты он уже вновь сидел на кухонном стуле, держа в одной руке ретривера и перебирая его шелковистую шерсть, а другой — прижимая к себе фотографию отца, которая прежде стояла на тумбочке возле его кровати, и начал рассказ:

— Мам, ты представляешь, мне сегодня такой сон приснился...

кутаясь в воротники своих пальто. Ведь их мысли наполнены лишь одинокими дождливыми вечерами и ноябрьским холодом с пустынными ветками уставших деревьев. А осень-то — вот, здесь, сейчас!

Порой в это время солнышко выглядывает из-за туч и как будто смеётся над нами, ведь оно никуда не исчезает на самом деле, просто лето устало нас баловать и хочет отдохнуть до следующего сезона. Поэтому можно сказать, что сердиться на осень необоснованно и немного предвзято. Хм... Кажется, мы отклонились от намеченного плана нашего с ней знакомства. Вы уж простите за это.

Осень всегда будет порой воспоминаний, ведь ничто другое не может так передать мысли прошлого, все чувства и эмоции пережитых событий. Прекрасная пора очаровывает своей сложностью характера и лёгкостью поступи, которой она врывается в нашу жизнь и судьбы, заставляя их медленно, но верно эволюционировать и развиваться.

Правда, особенно завораживает именно осенний Петербург. Город на Неве, который вполне заслуженно стал куль-

турной столицей России со всеми памятниками, музеями и соборами. Эх, Петербург, Петербург, что ж ты делаешь с нами? Всё в тебе идеально дополняет друг друга и позволяет верить в лучшее.

Эти высокие, тянущиеся вверх здания или же небольшие домики, наполненные историей и домашним уютом, переливаются в каплях дождя. Театры, полные людей во время представлений и пусты, когда там никого нет, но всё равно создающие атмосферу творчества и искусства. Музеи и галереи, а также просто различные выставки, научные или художественные, неважно... Всё равно они зовут и ждут своих посетителей — тех, кто принимает красоту и хочет её создавать или же оберегать, смотреть и любоваться. Скульптуры на улицах, в парках и скверах, а также дворцы, наполненные отголосками прошлых веков...

Но особое место в этом списке прекрасных мест Петербурга занимают соборы и церкви, двери которых всегда открыты для нуждающихся. Они могут быть не такими яркими, как всё

Софья КАМЫШЕВА, 2005 г.р., г. Санкт-Петербург

СВЕТ ЗВЁЗД

Красный закат кидал последние лучи свои на сверкающий снег поля, окружённого высокими соснами и пушистыми елями. Чистый, нетронутый даже птицами и лесными зверьями снег изображал собой круглые волны, начинавшиеся где-то под соснами и под сосны по другую сторону поля уходившие. Тишина леса прерывалась лишь шелестом хвоинок и редкими птичьими перешёптываниями. Даже вольный ветер успокоился и перестал рвать сучья. Лес ждал, ждало поле.

Маленький Сашенька, укутанный в полушубок и найденный на скорую руку бабушкин полшалок, пробирался через сугробы, мешая спокойному ожиданию поля, подминая под собой снег. Он шумно шёл, напевал какую-то песню, невесёлую, но помогающую ему, удерживающую от лишнего шага. Тёмные волосы были припорошены снегом с елей, взгляд усталый, но уверенный, длинные тонкие ноги проваливались в снег, но это не мешало продолжать путь. Бабушка рассказывала ему когда-то, что на полях, которые окружает густой лес, решаются природой людские судьбы, и теперь он решил это проверить. Выдыхая белый пар, Саша шёл по краю поля, высматривая, где происходит «решение», но находил только красно-красный снег да тёмные сосны.

Снегири находились на ветках, сверху вниз глядя на мальчика и иногда оповещая других о вторжении. «Идёт!» – говорили воробьи наперебой. «Незванный гость!» – вторили им свиристели, разнося новость по всем углам леса, окружавшего поле. «Ребёнок!» – передавали клесты, разлетаясь. Оставались только вороны, скрывавшиеся во тьме леса, и Саша, настойчиво идущий вглубь поля. Чёрными глазами воронья свора следила за каждым вдохом мальчика, но он не боялся их: ему говорили, что вороны очень мудрые птицы, а мудрые птицы, по его суждению, на маленьких мальчиков не нападают.

Но стоило только верхушкам сосен почернеть, всё пришло в движение. Словно солдаты, которым был отдан приказ, одна за другой вороны взлетели. Удивлённый, Саша встал и как заворожённый смотрел в небо. Перекрикивая друг друга, хлопая огромными крыльями, вороны взлетали к самым облакам, кружились там, резали уходящие лучи солнца чёрными, как смоль, крыльями и улетали вниз, оседая на ветвях сосен и снеге поля, лишь чтобы взлететь тотчас обратно.

«Как странно, – подумал Саша, – зачем они это делают?» Он оглядывался, окружённый красным снегом и чёрными птицами, деловито изучавшими его, но ничем ему не угрожавшими,

остальное, или же, наоборот, сиять красками на иконах... Спокойствие и уют, которое они нам дарят, всегда рядышком, чтобы поддержать и утешить. Это непередаваемое ощущение, которое не каждый сможет осознать или почувствовать. Но хотя бы один раз каждый должен испытать!

Так прекрасно вспоминать об уюте зимой, когда действительно холодно, и каждый день или дождь, или снег заставляют грустить. Петербург тогда может стать тёмным и необщительным, правда, порой и белоснежным, словно король Севера...

Но его осенние фотографии, на которых всё переливается различными красками жизни: и деревья, и улицы с домами, парки, а в них и люди, гуляющие под грибным дождиком с зонтами, — всё это и есть наша осень! Та, которая никогда не покинет нас, не попрощавшись, не уйдёт молча и не бросит в отчаянии. Она всегда поддержит и скажет слова о расставании лишь тогда, когда будет уверена, что мы в порядке и готовы встретить зиму с улыбкой на лице.

и казалось ему, что весь мир теперь состоит из красного и чёрного. Звёзд он не видел, и Саше казалось, что ворон становится всё больше, что они заполняют всё небо, и ему подумалось, что в конце концов они заполнят весь мир. Саша сел на снег и закрыл голову руками, желая оказаться дома в тепле и уюте, проснуться и увидеть у себя под боком спящую кошку, но окружавшие его вороны не пропадали, а только настойчивее каркали и пытались заглянуть ему в глаза, поворачивая острые головы под всеми углами.

Внезапно среди этого шума Саша услышал спокойный голос:

– Не бойся, они крадут звёзды, а не детей. Перестань прятаться, как заяц, и они отойдут.

Саша медленно поднял голову и оглядывался, ища того, кто с ним говорит, пока не увидел на одной из веток Сову, выделяющуюся своей белизной среди ворон.

– Бабушка говорила, что звёзды – это жизни людей, и когда звезда падает с неба, значит, человек умер, – задумчиво сказал Саша. – Как они могут красть звёзды, если это жизни?

– Значит, они крадут жизни тоже. Звезда яркая, сродни людской жизни, а вороны любят всё яркое и блестящее, – Сова слетела с ветки к ногам мальчика. – Ты же хотел видеть суд природный? Так смотри, как решаются судьбы: кому не повезёт избежать когтей воронов, тот и погибнет.

– Но это же несправедливо! Им же всё равно, хороший человек или плохой! – голоса чёрных птиц стали после слов Совы для мальчика невыносимы, он не мог перестать думать об уходящих из-за жадных ворон жизнях.

– Человек тоже несправедлив, но вы друг друга за это не вините. Имеешь ли ты право тогда винить птиц?

– Имею! – крикнул упрямым голосом Саша, рывком встал со снега и побежал вглубь поля, где ворон было больше. – Я остановлю их!

– Мальчик, перестань, – с гулким хлопанием крыльев о снег Сова полетела за Сашей, испытывая внезапное беспокойство за него.

Но Саша уже вглядывался в чёрную массу перьев, пытаясь различить в ней отдельных ворон, начиная замечать в их клювах маленькие светящиеся звёзды и оттого становясь решительнее. Вороны уже не обращали на него внимания, и Саша решил этим воспользоваться. Он проследил за одной из птиц, на его взгляд, самой неуклюжей из всех и, стоило ей приблизиться, схватил ворону за крыло. Ворона забилась у него в руке от испуга, царапала когтями детские руки и лицо, но Саша держал крыло крепко в ожидании того, что упрямая птица отпу-

стит звезду и он закинет её на законное место в небе. Звезда казалась ему родной, а свет – тёплым, и это придавало ему желания её спасти от затухания в гнезде вороны.

– Нарушитель! – чернота перьев окружала его вновь, но он уже не боялся. – Воришка! Кража! – вороны клевали его руки, но он смотрел только на звезду в чёрном клюве, свет которой освобождал его от боли и шума. Саша протянул ладонь к вороне и улыбнулся, пытаясь показать ей, что ему от неё ничего, кроме звезды, не нужно.

Схваченная мальчиком испуганная неуклюжая ворона открыла клюв – и звезда упала в ладошку Саши. Переливающийся свет мягкими лучами грел ему пальцы. Он отпустил крыло вороны, уже не смотря ни на неё, ни на пропадающее за горизонтом солнце. Вороны стояли вокруг него, глядя на счастливого мальчика со звездой в руках, не в силах пошевелиться от такого редкого события. Ни одна из них не думала бескорыстно любоваться звёздами, им нравился их блеск и нравилось его

Анастасия БЕЛЯКОВА, 2011 г.р., город Тула

КОТЁНОК

Однажды летом Вася приехал в деревню, в гости к бабушке. Он помогал ей по хозяйству: приносил воды из колодца, пропалывал грядки.

Поначалу Васе было непривычно просыпаться ни свет ни заря от криков бабушкиного драчливого петуха Петьки. Но через недельку он привык, будто всю жизнь жил в деревне.

Как-то раз после обеда бабушка попросила Васю зайти на почту, чтобы забрать посылку и журнал «Мурзилка», который она любила почитать вечером в компании Васи.

Мальчик всё сделал, забрал и журнал, и посылку и уже возвращался домой. В большой коробке с посылкой что-то погромывало, и Вася всё размышлял, что там такое.

– Эй, Васёк! Куда идёшь?

Вася обернулся и увидел своего деревенского друга Вовку. Вовка был растрёпанный, штанина порвана, на щеке царапина. Оглядев своего приятеля, мальчик ответил:

– С почты. Бабушка попросила зайти.

– А я с окраины деревни, дикие яблоки собирал, – он показал авоську, полную яблок. – Кстати, а что там? – Вова кивнул на посылку.

– Не знаю, – Вася пожал плечами.

– Не знаешь? А вдруг... Вдруг там робот? Разумный, говорящий? Ты его принесёшь домой, а он вылезет из коробки и начнёт...

– Что начнёт?

– Что, что... Мир захватывать!

– А тогда мы его выключим! Весь мир спасём, это какая слава будет! – воскликнул Вася.

– Э, брат! Не так просто! У него ж бластеры! Придётся сразится! Кия! – и Вовка подпрыгнул, ударяя кулаком невидимого робота. – Так, тихо! Кажется, пищит! – он выхватил из рук друга коробку и поднёс к уху.

Вася тоже прислушался. Тишина. Но тут мальчики услышали шорох и писк откуда-то со стороны. Они повертели головой и увидели пищущий пушистый комочек в траве у дороги. Подойдя ближе и присев, Вася понял, что это котёнок. Рыжий, в лучах солнца он весь будто светился. Зелёные глаза были чуть прищурены, смотрели с интересом и искренним любопытством. Котёнок был ещё совсем маленький, наверное, он потерялся...

– О, котёнок! – Вовка присел на корточки и начал подзывать котика: – Кис-кис-кис...

коллекционировать, хвастаться друг перед другом, чья звезда больше, а чья – ярче.

Но вот лицо Саши изменилось: он вспомнил, зачем забирал звезду изначально. Он переложил звезду в кулак, замахнулся, как не замахивался никогда, и кинул её на небо. Звезда мелькнула ему на прощание, прежде чем небо её притянуло и поставило на место.

– Почему они не нападают на меня, Сова? – спросил Саша, не отрывая взгляда от звезды.

– Ты показал им, что звёзды гораздо красивее, когда они на небе. Теперь им предстоит обдумать, стоит ли красть звёзды, чтобы наслаждаться светом несколько дней, или лучше вернуть их на небо, чтобы смотреть на мерцание каждую ночь, – задумчиво ответила Сова из вороньей толпы. – Тебе пора возвращаться домой, мальчик, уже темнеет.

Саша улыбнулся Сове, кивнул и побрёл через снега к дому, оставив воронью свору в раздумье и недоуменье.

Но котёнок только удивлённо посмотрел на него, шевеля маленькими ушками. И вдруг котик пулей сорвался с места и побежал в кусты по другую сторону дороги. Следом за ним нёсся петух, задрал пышный пёстрый хвост.

– Куда?! – закричал Вася, вскакивая на ноги.

– А что? Бежит и бежит, – чуть удивился Вова.

– Как что! Это же бабушкин петух, Петька, самый лучший! Представляешь, как она расстроится!

– Что ж мы сидим?! Быстрее!

Вовка вскочил, и мальчишки побежали следом за петухом и котёнком.

– Петька! Куда ты?! – кричал Васёк, размахивая журналом.

– Цып-цып-цып! – горланил Вовка.

Но петух Петька не обращал на них внимания и всё нёсся и нёсся вперёд.

– Цып-цып! – надрывался Вова.

И вдруг деревенский мальчишка почувствовал, что с его ноги соскочил кроссовок. Допрыгав до него, Вова спешно обулся и кинулся догонять приятеля.

– Петька-аа! – кричал Вася.

Высокая трава больно хлестала по рукам, лицу. Коряги, мелкие камушки будто специально прыгали под ноги, мешая бежать. Слева мелькала золотистая от солнца река: котёнок и петух бежали берегом. Справа темнел лес.

Петька начал забирать вправо.

– Сейчас он в лес убежит! – запаниковал Вася. – Как там-то его искать будем?!

– Успокойся! – Вова на бегу стал вытряхивать яблоки из авоськи. Стукаясь и разбиваясь, они покатались к реке.

– Ты чего? Ты же сам их собирал... – Васёк повернул голову и чуть не налетел на дерево.

– Да ладно! Новых наберу. Держи, поймаешь петуха, ты ловчее.

Сунув журнал за пазуху, Вася схватил пустую авоську и припустил вперёд, утроив силы.

– Э! Меня чуть подождёшь? – крикнул ему вслед Вовка.

– Да какое там подождёшь... – прошептал мальчик.

Вот он, Петька... Распушив перья, задрал хвост, петух бежал и бежал, изредка воинственно горлая: «УА́ уА́ уА́-а-а!..» Васёк чуть ли не наступал ему на лапы...

Расправив авоську, мальчик приготовился поймать петуха...

Но тут старая ива, склонившаяся к реке, словно подставила подножку. Вася споткнулся о толстый корень, покатился по склону, схватил кого-то авоськой и плюхнулся в воду у берега.

Вынырнув, он отплёвывался и отфыркивался, тёр глаза краем рубашки. А его добыча оглашала окрестности хрипловатым ором: «УА уА уА-а-а!»

– Петька... Петька! – Вася был готов обнять петуха, но тот явно не разделял этой радости. Петька всё пытался клонуть мальчика сквозь сетку.

Вася выбрался на берег с помощью подоспевшего Вовки.

– Ну что? Ну что? – спрашивал тот.

– Вот, – и Васька протянул ему авоську с петухом. Петька изловчился и клонул Вову.

– Ай! – тот отскочил и погрозил петуху. – Вот же птица!

– Петушиный царь, Пётр Первый, – с гордостью сообщил Вася, – только что окна не рубит.

Мальчики засмеялись. Вовка выловил из речки журнал и вздохнул:

– М-да... Мурзилку не спасти...

– Почему это? Вот же он! – Вася, сжав петуха, показал на котёнка, спрятавшегося в зарослях.

– Да я про журнал!

– А что журнал? Новый купим! – улыбнулся Вася, – А Мурзилка – это котёнка так назовём.

– А что, похож! – Вовка сравнил взглядом расплывшегося от влаги Мурзилку на обложке и Мурзилку на берегу. – Точь-в-точь Мурзилка.

– Мурзилка! – позвал Вася котёнка.

Тот поднял головку и посмотрел на него.

– Мурзилка! – мальчик наклонился и положил руку ему на макушку. Котёнок чуть затрясся, но тут же успокоился, когда Вася стал гладить его. Тихонько замурчав, котёнок словно пытался произнести своё имя.

– Ну ладно, я пойду... – Вася поднялся и ещё крепче стиснул петуха.

– Я с тобой. А то вдруг Петька ещё один марафон устроит, – Вовка подмигнул.

Мурзилка мяукнул, напоминая о себе.

– Стой, а как же он? – Вася кивнул на котёнка.

– На меня не рассчитывай. У нас и так два кота, и козы, и корова, и свиньи... Третьему коту родители точно не обрадуются.

Вася задумался: «А я ведь всегда хотел котёнка...»

Ему вспомнилось, как он просил маму с папой купить котика. И как они отказывали, говоря, что с котов лезет шерсть, что они дерут обою и приносят ещё массу разрушений...

Но Мурзилка выглядел таким маленьким и таким грустным, что Вася не мог просто взять и бросить его.

Петух клоннул мальчика, и тот очнулся от размышлений.

– Вован, будь другом... Донесёшь Петьку?

– Ну... Ладно... – деревенский мальчуган взял петуха и спросил: – А ты что?

– А я Мурзилку понесу.

– Так ты же говорил как-то, что тебе родители не разрешают кота заводить.

Вася ничего не ответил, только пожал плечами. Взяв у друга промокший журнал, сунул его под мышку и склонился над котёнком.

– Мурзилка, – котёнок поднял мордочку, – пойдём домой.

Вася взял котёнка на руки, и два друга двинулись обратно. Выбравшись из зарослей на дорогу, они пошли к дому Васиной бабушки.

– Попьёшь с нами чаю? – предложил Вася. – Бабушка сегодня пирожков напекла.

– Хорошая идея. Только я домой сначала забегу, а то будут беспокоиться, что меня долго нет, – согласился Вовка.

И вдруг он встал посреди дороги.

– Что случилось? – обеспокоился Вася.

– Посылка... С роботом... – проговорил его приятель. – Где она?

– Она... эм... Она вроде на дороге лежать осталась...

– Бежим скорее!

Мальчики развернулись и со всех ног понеслись к тому месту, где последний раз видели таинственную коробку.

Прибежали. Остановившись, они отдышались. От быстрого бега даже закололо в боку.

– Ну и где?... – тяжело дыша, Вовка огляделся.

– Не знаю... – ответил запыхавшийся Вася.

Петька снова заорал: «УА уА уА-а-а!» Солнце клонилось к закату.

– Уф... Домой уже надо... – проговорил Вася.

– Да какое домой! Робота надо искать! – воскликнул его приятель. – А то придёшь домой – а дома-то и нету...

– Ой! Как же там бабушка? Одна? Робот же! – ахнул Вася.

– А мои-то как? Маме страшно будет, папа же сегодня на сутках дежурит! – охнул Вова.

– Быстрей!

И они снова побежали к дому Васиной бабушки. Погоня за петухом отняла у них много сил, ноги болели. Но мысль об ужасном роботе подстёгивала их, и они бежали что есть мочи.

Вот и Васин дом. Вовкин – по соседству. В окнах золотится свет. Ребята пулей влетели в открытую дверь Васиного дома. Сидевшие за широким столом под окном подняли головы.

– Бабушка! – Вася кинулся вперёд.

– Мам! – Вовка обнял маму.

– Что случилось? – добродушно спросила Васина бабушка.

– Ну в самом деле, сынок, что ты? Обнимаешь, будто сто лет не видел! – улыбнулась Вовина мама.

– А где робот? – хором спросили мальчики, испуганно озираясь.

– Какой робот?! – всплеснула руками Вовина мама.

– Ну... там, когда мы... – запинаясь Вовка.

– Ну посылка... Коробка... Подумали, там робот... – проговорил Вася.

– Ой, ну какой робот! – засмеялась Васина бабушка. – Это твои, Вася, родители, мне из города новое радио прислали! – она указала на подоконник, где и впрямь стоял блестящий радиоприёмник. – Я смотрю, нет тебя долго, пошла искать. Приметила посылку среди дороги, увидела, как вы с Вовой бежите к реке. Подумала, заигрались, о посылке-то и забыли. Ну, я коробку и взяла домой. Тут твоя, Вов, мама зашла, сидим, ждём вас...

– УА уА уА-а-а!.. – вдруг загорланил Петька из авоськи.

– Ах да, Валентина Егоровна, мы тут это... – начал Вова.

– Петьку спасли! – вставил Вася. – Он чуть в лес не убежал.

– Ай, молодцы! А я и не заметила, что Петя пропал! – бабушка взяла авоську, отнесла петуха-бегуна в курятник и вернулась.

– Чего ж это ваш петух бежит ни с того ни с сего? – удивилась Вовкина мама.

– А это он за Мурзилкой, – ответил Вася и поднял на руках рыжего котёнка. – Журнал “Мурзилка” пострадал, пока мы гонялись за Петькой, зато другого Мурзилку принесли!

– Ой, Вася, не знаю даже, что твои родители скажут... – вздохнула бабушка.

– А мы их с Васькой уговорим! – воскликнул Вовка.

– Ну а я вам помогу, – улыбнулась старушка, – а сейчас давайте чай пить! Аннушка, включи, пожалуйста, приёмник.

Они пили чай с пирожками, смотрели на закат над лесом, слушали мурчание Мурзилки и музыку из радиоприёмника. Оркестр играл симфонии Моцарта, а Петька – великий бегун и просто драчливый петух – помогал, солируя из курятника:

– УА уА уА-а-а!

Светлана ВЕТРОВА,
заведующая Домом-музеем В.А. Русанова в Орле

Владимир Русанов — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ

В ноябре 2025 года исполнится 150 лет со дня рождения Владимира Александровича Русанова – уроженца города Орла, геолога и полярного исследователя

Родился Владимир Русанов 15 ноября 1875 года в семье купца 2-й гильдии Александра Дмитриевича и его жены Любови Дмитриевны. В Орле, в доме, где теперь музей, прошли детские и юношеские годы Владимира Русанова. Учился будущий полярник в Орловской мужской классической гимназии, затем в Орловской духовной семинарии. С раннего детства Владимир любил книги о приключениях и путешествиях, загородные прогулки и домашних животных. По воспоминаниям двоюродной сестры Русанова Марии Петровны Зубковской, всё свободное время Владимир любил проводить в оврагах за Витебским мостом, в заброшенных каменоломнях. Он возвращался домой с большим количеством камней, которые сортировал и раскладывал по полочкам. Это были его первые «геологические коллекции». Мать их частенько выбрасывала, но они вновь и вновь пополнялись новыми экземплярами. Уже будучи признанным геологом, Русанов в шутку часто напоминал матери: «А помнишь, мамочка, как ты выбрасывала мои камушки, вот они мне и пригодились». Владимир Русанов ещё в юном возрасте определился с выбором своей будущей профессии.

В юности он принимал участие в революционном движении, за что был сослан в 1901 году в Вологодскую губернию. После отбытия ссылки в 1903 году Русанов уезжает во Францию, поступает в знаменитый Сорбонский университет, где становится студентом естественного факультета. Владимир Александрович всё своё время посвящает учёбе. Получив возможность заниматься в лабораториях университета, он работает без отдыха, используя любую возможность для получения новых знаний.

Увлечённый Арктикой, Русанов пять экспедиций посвятил Новой Земле. Владимиру Александровичу удалось сделать выводы, определившие работу некоторых научных коллективов на десятилетия вперёд. А главным стало то, что Русанов в этих экспедициях проявил себя как геолог новой формации, целью которого было создание общих характеристик природного процесса – формирование геологических структур, эволюция ледников. Он первым из русских учёных совершил обход Северного и Южного островов Новой Земли, положил начало целому ряду новых направлений в исследовании полярных окраин России. В

своих работах Владимир Русанов научно обосновал проблемы освоения Северного морского пути.

Вынужденный жить за границей, Русанов свою жизнь, свои интересы учёного связывал с проблемами Родины. Быть полезным Отечеству – главное желание Владимира Русанова. Весной 1912 года русское правительство предложило В.А. Русанову возглавить экспедицию на Шпицберген. Завершив исследования на архипелаге, установив 28 заявок на месторождения каменного угля и закрепив права России на Шпицбергене, экспедиция Владимира Русанова взяла курс на восток и... исчезла в бескрайних просторах Арктики. Следы её теряются в районе полуострова Таймыр. В разные годы в Арктике было найдено множество предметов, принадлежавших русановцам, но место гибели не обнаружено, и тайна продолжает существовать.

Значение русановских экспедиций велико. Он изучал северные территории, составил их подробные карты, описал геологическое строение, которое впоследствии дополнялось лишь деталями, исследовал природу, дал прогнозы на поиски полезных ископаемых. Главная заслуга Русанова в том, что территория Новой Земли и части Шпицбергена осталась за Россией.

Имя Владимира Русанова увековечено на географической карте: на Новой Земле есть мыс и бухта, которые носят его имя, на Северной Земле – ледник, в Орле, Баренцбурге, Мурманске и Москве – улицы.

Память о Владимире Александровиче Русанове бережно сохраняется в единственном в России музее, который расположен в мемориальном доме на улице Русанова в городе Орле.

Музей был открыт 25 декабря 1982 года и расположен в доме, принадлежавшем матери В.А. Русанова Любови Дмитриевне Русановой. С 80-х годов 19 века до июня 1901 года В.А. Русанов жил здесь. В этот дом Владимир Александрович возвращался после каждой своей полярной экспедиции. Дом был ему очень дорог, как и его малая родина Орёл.

Строка из письма Русанова «... Мной руководит только одна мысль: сделать всё, что я могу, для величия родины» стала девизом полярников многих поколений.

Русанов

Фото 1960-х годов

Мемориальный Дом-музей В.А. Русанова был открыт 25 декабря 1982 года в городе Орле. Вот уже более 40 лет сотрудники музея бережно хранят память о выдающемся полярном исследователе, геологе Владимире Русанове. Несмотря на возрастающий интерес общественности к Арктике, имена людей, стоявших у истоков освоения русского севера, остаются неизвестными для широкого круга лиц. В 2025 году исполнится 150 лет со дня рождения В.А. Русанова. Мы надеемся, что литературный конкурс «Дорога в Арктику», посвящённый памяти Владимира Русанова, станет хорошей возможностью напомнить об уникальной личности Владимира Александровича, о том следе в истории освоения Арктики, который он оставил, привлечёт внимание молодёжи и будет способствовать воспитанию патриотизма и национальной гордости.

Фото: декабрь 2023 года

Валерий АНИШКИН

ДИК

рассказ

Алексей Сергеевич неподвижно сидел на старом потёртом диване с откидными валиками. Натруженные переплетённые синими венами руки покоились на коленях. На мягкой подстилке рядом с диваном лежала собака, Дик, чёрная с рыжим подпалом и небольшой белой ласточкой на груди. Она лежала на боку с вытянутыми лапами и тяжело дышала, бока её часто вздымались. Иногда по телу пробегали судороги.

Три дня назад Алексей Сергеевич утром пошёл с Диком гулять, у Дика отказали задние лапы, он лёг и не мог встать. Последнее время Алексей Захарович замечал, что Дик становится слабее, медленнее передвигается, не обращает внимания на других собак и предпочитает с прогулки скорее вернуться домой. Алексей Сергеевич понимал, что это возраст, но такой беды, чтобы вот так вот вдруг у его Дика отказали ноги, не ожидал. Он с трудом дотащил питомца до подъезда и в квартиру внёс на руках.

Дик пытался встать, но только в первый день смог доползти до входной двери, больше пользуясь передними лапами и волоча задние, сделал лужу и заскулил, словно извиняясь за свою немощь. Алексей Сергеевич отнёс Дика на его место и гладил по спине, успокаивая и давая понять, что ничего плохого собака не сделала.

Ветеринар, мужчина с усталыми глазами и неторопливыми движениями пожилого человека, пса осмотрел, покачал головой и спросил:

- Сколько ему лет?
- Четырнадцать, – угрюмо ответил Алексей Сергеевич.
- Это, если по человеческим меркам, то для такой крупной собаки, считай, будет за восемьдесят?
- Так что? Безнадёжно? Она же только недавно бегала, – упавшим голосом проговорил Алексей Сергеевич.
- Все мы бегаем до поры до времени, а потом раз и... – философски изрёк ветеринар, не закончил фразу и махнул рукой, подчёркивая трагизм человеческого существования.
- Так что же делать-то? Она же живая.
- Может и поживёт ещё, – посмотрев на жалкое лицо Алексея Сергеевича, обнадежил ветеринар. Эти собаки, бывает, и до двадцати лет живут. Тем более, что продолжительность жизни дворняги в среднем выше, чем у породистых собак. У метисов сильнее их природный иммунитет... У вашего пса паралич задних лап. Это дегенеративные заболевания позвоночника. Здесь может наблюдаться так называемое локальное старение отдельных участков позвоночного столба. Другими словами, остеохондроз позвоночника, которому бывают подвержены все породы... Но трудно вот так, на глазок диагностировать заболевание... А кроме того, у собаки ярко выраженная сердечная недостаточность. В

общем, вам нужно везти вашего Дика в ветеринарную лечебницу. Там сделают необходимые анализы, рентген на наличие патологий в области позвоночника и назначат более полное лечение. Иначе коллапс и летальный исход.

Ветеринар сделал собаке укол, прописал антибиотик бицелин-3, кальций и витамины и ушёл, оставив Алексея Сергеевича в совершенной растерянности и расстройстве...

Дик был метисом дворняги с овчаркой и у него не было документов, и не было родословной. Алексей Сергеевич выкупил щенка у незнакомого мужика, когда тот собирался топить его. Сердце Алексея Сергеевича не выдержало, и он с укором, испытывая щемящую жалость, сказал:

- Как же можно живую тварь жизни лишать?
- А куда мне её? Скулит и скулит под дверью... Подборили, сволочи!
- Отдай мне, – попросил Алексей Сергеевич.
- Дашь на бутылку – бери! – неуверенно, так, на всякий случай, сказал мужик, не надеясь на то, что повезёт, и он сорвёт пару рублей с лоха, но Алексей Сергеевич достал из кармана брюк кошелек, где лежал свёрнутый вчетверо трояк и мелочь и, не торгуясь, молча отдал бумажку хозяину щенка.

Беспомощный маленький комочек Алексей Сергеевич сунул под пиджак, почувствовал тепло живого существа, и его охватило внезапное чувство волнения, нежности и умиления, а вместе с тем ответственности за щенка, которого он брал в свою семью.

Щенок дрожал всем телом и время от времени тоненько скулил. Алексей Сергеевич нёс щенка и придумывал, как будет уговаривать жену оставить его у себя. Он прижимал щенка к груди и, сам того не замечая, разговаривал вслух: «А мы ей скажем, как же такого хорошего щеночка не взять. А гулять с ним буду я. А мы сейчас придём, нальём в блюдечко молочка, полакаем, да спать ляжем. Мы тебе мягкую подстилочку сделаем». Но перед дверью нервничал и, когда жена, Галя, открыла, вынул щенка из-за пазухи, поставил на пол и с ходу, придавая голосу твёрдость, отрезал: «Вот. Как хочешь, но он будет жить у нас». Жена было открыла рот, но ничего не сказала, а когда щенок сделал лужицу, покачала головой: «Не было заботы, так купили порося» и добавила, погрозя пальцем: «Я за ним убирать не буду». «Сам буду убирать», – поспешил согласиться Алексей Сергеевич. Отойдя от шока и смирившись с тем, что собака – вот она, и тут уж теперь ничего не поделаешь – действительно, не выбросишь же на улицу, – Галя взяла щенка на руки и стала тискать. Щенок лизнул её в лицо, и она засмеялась.

- Где хоть ты его взял? – спросила Галя.

– Да идиот один утопить хотел, – с облегчением сказал Алексей Сергеевич.

– Утопить? – испугалась Галина. – Такого махонького?..

И щенок стал жить у них с полным правом. Над именем Алексей Сергеевич долго голову не ломал. Он где-то читал про героическую собаку времён Отечественной войны, которую звали Дик (*Дик – овчарка, в годы Великой Отечественной войны обнаружившая 12 тысяч немецких мин. Дик спас от взрыва Павловский дворец под Ленинградом, обнаружив в его фундаменте бомбу с часовым механизмом.*). Ему имя понравилось, и он закрепил за щенком кличку Дик.

Дик оказался на удивление сообразительным. Он быстро привык к отведённому ему месту, откуда мог видеть всю комнату и диван, на котором любил сидеть хозяин перед телевизором с газетой в руках, и свободно расхаживал по всей небольшой двухкомнатной квартире; любил кухню, потому что там стояли его миски с едой и водой, но усвоил команду «место», беспрекословно, хотя неторопливо и даже с некоторым достоинством занимал свой лежак, что стало только его территорией и его собственным пространством.

Первые полгода Алексею Сергеевичу ещё приходилось убирать за Диком лужицы, почему все дерюги и ковры с полов убрали, но постепенно он привык к режиму прогулок рано утром и вечером и справлял свои дела только на улице.

К году Дик знал все основные команды, мог сидеть, лежать, давать лапу и идти рядом, а однажды, отметив, что хозяин, приходя с улицы, снимает обувь и надевает смену, принёс ему тапок, который сам же и утащил из прихожей к своему лежаку. Алексей Сергеевич закрепил у Дика эту его способность, стал оставлять тапочки в комнате, и пёс с видимым удовольствием приносил их ему, когда тот приходил домой.

Алексей Сергеевич обожал Дика, и Дик отвечал ему взаимностью. Дик любил и хозяйку, но не так безгранично и самозабвенно, как хозяина. Хозяином для него был только Он. Дик радовался, когда домой возвращалась хозяйка, даже скорее не радовался, а освобождался от беспокойства за свою маленькую стаю, членом которой она для него являлась. Он полностью чувствовал себя спокойно только в присутствии

всей стаи. Но в отсутствии хозяина он скучал и нервничал и каким-то невероятным чутьём угадывал, когда он должен появиться, и за несколько минут до его прихода спешил в прихожую, суетливо метался там и нетерпеливо поглядывал на дверь. Открывалась дверь, и Дик прыгал на Алексея Сергеевича, становясь на задние лапы и кладя передние на его грудь, лизал шершавым языком лицо, повизгивая от удовольствия. До года Дик от счастья встречи с ним даже оставлял под собой лужицы. Но ещё большим счастьем для Дика было постоянное присутствие хозяина, от которого он получал ласки и нежные слова, различая их по интонации.

От хозяйки Дик слов нежности не слышал и не ждал. Интонация её слов отличалась от интонации слов хозяина. Она ворчала, когда убирала его шерсть с предметов мебели весной и осенью, покрикивала, когда Дик в нетерпении мешал ей ставить миску с едой или когда она вытирала ему лапы после улицы, хотя чаще это делал хозяин. И с маленьким щенком она намучилась, когда он грыз ножки мебели, рвал зубами обувь и оставлял кучки и лужицы, пока не подрос. Может быть всё это и толкнуло хозяйку на шаг, за который она потом стыдилась и осуждала себя.

Дик у неё полтора года, когда она предала его.

Тогда Алексей Сергеевич лёг на несколько дней в больницу на обследование после гипертонического криза. После выхода на пенсию у него участились боли в области сердца, появилась одышка, учащённое сердцебиение; он стал ощущать боль в груди, если поднимал что-то тяжёлое, иногда темнело в глазах. И Галине пришлось выгуливать собаку самой. Как-то вечером она гуляла с Диком, как обычно, за домом, на небольшом пустыре. Она отстегнула поводок, и Дик носился по зелёной траве и с радостным лаем разгонял голубей. Какой-то мужчина вышел из стоявшей у пустыря «четвёрки» и смотрел с улыбкой на резвого, полного сил пса.

– Хорош кобель! – похвалил мужчину Дика.

– Когда спит, – мрачно усмехнулась Галина. – То жрать ему, то гулять. Задолбал.

– А вы отдайте его, – в шутку посоветовал мужчина.

– Да кому он нужен! – раздражённо бросила Галина. Её с самого утра преследовало дурное настроение. Она тревожи-

лась за мужа, и у неё самой к вечеру повышалось давление и болела голова, да ещё мытарство с собакой

– Так давайте я возьму! – серьёзно сказал мужчина. – Будет у меня в деревне дом сторожить.

Галина серьёзно посмотрела на него с каким-то тупым безразличием, и сама того не ожидая, произнесла:

– Да берите!

Мужик сходил к машине, достал из багажника верёвку. Она подошла Дика, сняла с него ошейник. Дик дал себя привязать за шею и стал упираться, только когда его сажали в машину.

– Далеко хоть ваша деревня? – по инерции спросила Галина.

– Да нет, – ответил мужик, – Плещеево. Знаешь?

Галина ничего не ответила, но дома впала в панику. Она вдруг поняла, что в один миг разрушила их с Алексеем Сергеевичем уклад, который сложился и утвердился с появлением Дика и придал новый смысл жизни их одиночеству. Теперь она не знала, что делать и как оправдываться перед мужем за свой опрометчивый поступок...

Когда Алексей Сергеевич через день вернулся из больницы и не нашёл Дика, Галина, полная раскаяния, с рёвом путанно пыталась объяснить, что произошло. У Алексея Сергеевича сердце упало, когда он понял, что Дика нет, и он собрался завтра с утра ехать в Плещеево, чтобы найти Дика и, если понадобится, то даже за деньги выкупить его...

Ночью, сквозь зыбкий и тяжёлый сон он услышал за дверью знакомый лай и нетерпеливое царапанье по дереву створки. Алексей Сергеевич вскочил с постели, бросился в прихожую и стал непослушными руками поворачивать ключ в замке. Дверь открылась и на Алексея Сергеевича обрушилось мягкое тело его верного любимого Дика. От неожиданности Алексей Сергеевич упал под тяжестью пса и, лёжа, обнимал его, гладил и трепал за уши, а Дик лизал его лицо и радостно повизгивал. На шее Дика болтался отгрызенный кусок верёвки.

У Дика не было обиды на хозяйку. И зла у него не было, потому что у него вообще отсутствовал ген зла. Он не винил хозяйку в том, что она позволила увести его чужому человеку. Он не связывал происшедшее с хозяйкой и принял это как какую-то игру или нелепую случайность, и его теперь ждут дома и волнуются, поэтому нужно скорее вернуться домой, к хозяину. И он старательно грыз верёвку, которой был привязан к сараю, а потом долго бежал по обочине дороги, неуловимым чутьём угадывая направление пути.

Заглаживая свою вину, хозяйка тоже гладила Дика и извинялась перед ним; в её голосе Дик слышал ту же интонацию, которую слышал у хозяина, и снисходительно позволял хозяйке ласкать себя.

Вся эта история быстро и благополучно забылась. Дика теперь окружала двойная забота, его холили и давали косточки с мясом, выгуливали утром и вечером, и он любил эти прогулки. Но с некоторых пор он стал ждать их с ещё большим нетерпением, чем прежде.

У Дика появилась подружка.

Чужая хозяйка выгуливала во дворе и на пустыре двух собак: маленькую толстую дворняжку на коротких лапах, Дружка, и такого же метиса как Дик, только меньшего размера и серо-чёрного окраса, Мальку. Когда Алексей Сергеевич подходил с Диком на поводке к чужой хозяйке, Малька начинала разговаривать на своём собачьем языке. Говорила она или скулила как-то тоскливо, словно жалуясь на что-то.

Дик на это подвывал и поскуливал, вроде сочувствуя, и получался настоящий разговор. Алексей Сергеевич и чужая хозяйка невольно смеялись, и хозяйка Мальки объясняла, что животным действительно не комфортно у неё в квартире, где ещё живут три кошки, которые тиранят собак, а, кроме того, Малька прибалывает: у неё артрит. Ветеринар говорит, что если не лечить, то разовьётся артроз. «Даю ей вольтарен и бруфен, – сказала хозяйка Мальки. – А как не болеть, если я её полуживой подобрала на улице. Мороз, а она, бедная, прижалась к стеночке и сидит дрожит, а глаза такие жалостливые. Тут уж мимо пройти невозможно... Я вообще хочу отвезти её в деревню к сестре. На природе ей будет вольготней»

На пустыре собак спускали с поводка, и они резвились, играя по-своему, по собачьи. Неуклюжий Дружок не поспевал за более длинноногими собратьями, а Малька быстро уставала, и тогда Дик, убегая, возвращался, кружил вокруг Мальки или какое-то время стоял возле неё.

К осени хозяйка увезла Мальку в деревню. Дик долго не мог понять, почему нет Мальки, тащил Алексея Сергеевича к подъезду, из которого её выводила чужая хозяйка, скулил, а сделал свои дела, просился домой. Два дня он не притрагивался к еде. Алексей Сергеевич как мог утешал его, гладил и разговаривал с ним. Он знал, что Дик очень сообразителен, и видел, что тот внимательно слушает его и понимает: о чём говорил его глубокий взгляд немигающих глаз.

Постепенно Дик успокоился, но после этого как-то изменился, словно враз повзрослел. Теперь он не резвился и сломя голову не носился по пустырю, а чинно ходил на поводке, увлекая за собой Алексея Сергеевича, а когда с него снимали поводок, неторопливо расхаживал по зоне выгула, сосредоточенно вынюхивая и метя территорию.

Теперь он всё внимание отдавал хозяину. Он никогда не выпускал его из виду, знал все его движения и поступки и понимал с полуслова...

Дик исполнилось двенадцать лет, когда не стало хозяйки. Хозяйка умерла в больнице. Она долго болела. Врачи говорили о гипертонии при сердечной недостаточности, отмечали нарушение кровообращения мозга и ещё что-то. Давление часто зашкаливало и приходилось вызывать скорую помощь. А потом случился инсульт и её положили в больницу.

Дик чувствовал угнетённое состояние хозяина, его беспокоило отсутствие хозяйки, и он тоже нервничал, потерял аппетит, ходил с поджатым хвостом, жался к ногам хозяина и вопросительно заглядывал ему в глаза. Алексей Сергеевич гладил Дика и говорил, что, может, всё образуется и хозяйка поправится. Дик внимательно слушал и иногда повизгивал. Но за несколько дней до кончины хозяйки Дик стал выть, метаться и отказывался от еды. Алексею Сергеевичу передалась тревога собаки, которая каким-то своим «шестым чувством» ощущала беду, и он, оставив Дика, уходил в больницу и сидел у кровати все её последние дни... Обширный инсульт, результатом которого стал летальный исход, случился ночью, когда Алексея Сергеевича рядом не было...

Алексей Сергеевич хоронил жену один. Рассчитывал на помощь дочери, но она жила с семьёй в далёкой Канаде и приехать на похороны не смогла.

Первые дни Алексей Сергеевич не находил себе места. Он сидел на диване и бессмысленно смотрел в одну точку, включал телевизор, но не воспринимал происходившее на экране. Сам мог за день выпить лишь кружку чаю с куском белого

хлеба, но Дика кормить не забывал. Когда становилось особенно муторно, Алексей Сергеевич брал Дика, и они сидели в парке: он на скамейке, Дик рядом. Спать он ложился поздно – боялся, но боялся не сна, а пробуждения, потому что было страшно проснуться с ощущением, что Галины нет рядом, а когда приходило осознание, что её вообще нет, он еле удерживал себя, чтобы не завывать.

Переживания хозяина разделял и Дик. Лишённый возможности произносить слова утешения, он не отходил от хозяина, ловил его взгляд. Он никак не мог понять отсутствия хозяйки, вдруг вставал и шёл на кухню или в ванную, где особенно часто она бывала, не находил её там и жалобно скулил. Он не мог осознать, что смерть – это безвозвратное событие. И он в растерянности снова шёл к хозяину и заглядывал ему в глаза, словно ища ответа на то, чего не мог понять.

Их переживания были созвучны и это ещё больше сблизало их. Алексей Сергеевич обнимал и гладил Дика, и чувствуя себя уже менее одиноким, чуть успокаивался. Это успокаивало и Дика.

Постепенно боль уходила...

Прошло два года. Дику исполнилось четырнадцать лет, но это оказалось пределом его жизни...

Утром Алексей Сергеевич с трудом взял сильно похуdevшего Дика на руки и пошёл в ветеринарную лечебницу. Лечебница находилась в двух остановках от дома, но Алексею Сергеевичу стоило больших трудов влезть в троллейбус, а потом перейти с Диком на руках дорогу и пройти оставшуюся сотню метров. И по дороге до троллейбусной остановки, и до лечебницы он делал передышку, садясь на редко расставленные скамейки. Он держал Дика на коленях, тот пытался лизнуть его в лицо и виновато поскуливал.

В ветеринарной лечебнице Алексей Сергеевич сидел с Диком на удобном мягком диванчике и терпеливо ждал своей очереди. Очередь была небольшая, но приём шёл довольно долго, и Алексею Сергеевичу пришлось бы просидеть не один час, если бы не сердобольная ассистентка, которая проходила мимо, и, обратив внимание на старика с собакой на коленях, сказала об этом ветеринару и тот вызвал Алексея Сергеевича вне очереди.

Ветеринар, мужчина средних лет, терпеливо и доброжелательно разговаривал с Алексеем Сергеевичем, который, волнуясь и надеясь на какой-то положительный исход, излишне подробно рассказывал о проявлениях симптомов заболевания Дика. Сделали рентген на наличие патологий в области позвоночника, что подтвердило диагноз его коллеги, которого Алексей Сергеевич вызывал на дом, и выявило дископатию. (*Дископатия у собак – патология, сопровождающаяся дегенеративными изменениями в тканях межпозвоночных дисков.*) «Конечно, виноваты и травмы позвоночника, которые могли оставаться незамеченными, но главное – старость, и здесь уж никуда не денешься», – сказал ветеринар.

Дику сделали и ЭКГ, что показало сердечную недостаточность. Делать другие анализы ветеринар не стал.

– Можно сделать МРТ (*Магнитно-резонансная томография – более точно выявляет патологические изменения.*), УЗИ и анализ крови, – сказал ветеринар, – но я бы не советовал. Собака не жилец. Зачем её зря мучить?

Это был приговор. Сердце Алексея Сергеевича защемило, он как-то сразу сник и молча с тоской смотрел на Дика, лежавшего беспомощно на столе.

– Лучший выход – это усыпить вашего Дика, – тихо, сочувствуя, проговорил ветеринар.

– Нет! – твёрдо сказал Алексей Сергеевич, но голос его дрожал и руки дрожали.

– Ну, смотрите, – отступил ветеринар. – Я хорошо понимаю ваши чувства, но должен был предложить это. Давайте я сделаю вашему Дику новокаиновую блокаду. Это на какое-то время купирует боль и снимет воспалительный процесс.

Ветеринар проколол Дика, и Дик терпеливо перенёс эту операцию, словно понимал, что так нужно, если возле него стоит хозяин.

Выписав лекарства, ветеринар сказал:

– Кетонал снимет боль, которая может быть при остеохондрозе, а кофеин-бензоат натрия – для стимуляции и поддержания сердечной деятельности.

Он показал на Дике, как нужно делать уколы, оттянув его холку, и отпустил их с Диком. Алексей Сергеевич взял на руки Дика.

– Вы бы вызвали такси, – посоветовал ветеринар.

– Да я так, – угрюмо ответил Алексей Сергеевич.

На такси у него денег не было. Визит в ветеринарную клинику обошёлся в копеечку, и он боялся, что ему не хватит на лекарства, выписанные для Дика.

Теперь Алексей Сергеевич знал, что уколы Дику не помогут, и делал всё, чтобы создать ему более-менее комфортные условия, обеспечив покой и постоянное своё присутствие, создав тишину, и даже вывернул лишние лампочки из осветительных приборов, чтобы яркий свет не раздражал. Алексей Сергеевич пытался Дика кормить, и тот съедал чуть дорогого мягкого корма, который хозяин покупал в магазине для животных, но не отказывался от воды и жадно пил. За два дня до смерти Дик перестал есть и пить. Он просто лежал неподвижно, и когда Алексей Сергеевич гладил его и говорил ласковые слова, слабо вилял хвостом. Вскоре он уже почти ни на что не реагировал, но чувствовал присутствие хозяина и слабо обозначал свою благодарность хвостом, который мог только подрагивать. К ночи, когда Алексей Сергеевич задремал, сидя рядом с Диком, он услышал, как Дик тихо взвизгнул и замолк. Алексей Сергеевич вскочил с дивана, бросился на колени перед Диком и увидел его тускнеющие глаза. Его бока ещё слабо дышали, но через минуту он ещё раз пискнул, словно попрощался, судорожно дёрнулся и неподвижно застыл.

Алексей Сергеевич знал, что эта минута неотвратимо наступит, с тревожной и мучительной тоской ждал этого, и тем не менее это случилось неожиданно и потрясло его. Кроме Дика у Алексея Сергеевича никого больше не было. Они сблизились с Диком, и он был его опорой. Когда он уходил куда-то, ему всегда хотелось возвращаться домой, потому что помнил, что его ждёт любящее и преданное ему существо, с которым он делил мелкие радости и печали. Теперь он был одинок. И он не знал, что делать с этим одиночеством...

От дочери Алексей Сергеевич получил письмо, в котором она, сочувствуя отцу, в последних строках писала: «...папа, пусть душа твоя не болит, потому что животные, которых так любят, после смерти попадают на Радугу (*Мост Радуги является темой многих произведений поэзии. Творения повествуют о чудном потустороннем мире, в котором животные оказываются после смерти и, после долгого ожидания, снова встречаются с владельцами.*), где живут счастливо и без боли и ждут там своих владельцев».

Русофобия - идеологическое оружие и болезнь Запада

Русофобия как явление и политика оживилась на Западе в связи с началом в феврале 2022 года освободительного похода российской армии на Украине, названной специальной военной операцией. Понятие русофобия означает боязнь России, неприязнь по отношению к ней. Возникновению и формированию русофобии как идеологии, а также созданию мифов и стереотипов, на основе которых строился и строится образ России это «заслуга», созданных в разное время письменных описаний России западными писателями, путешественниками, дипломатами и политиками. Среди них: Сигизмунд Герберштейн, Жак Маржерет, Адам Олеарий, Астольф де Кюстин, Ж.-Ж. Руссо и другие. Но каковы причины неприятия нашей страны на Западе, каковы исторические корни русофобии, можно ли воспринимать русофобию как разновидность расизма и как противостоять этой вредоносной идеологии. Во-первых, надо понимать, что «русифобия – это явление западной культуры и происхождения», которое насчитывает сотни лет. Сегодня на Западе стало модным такое явление – «культуры отмены». Это когда отменили целую страну, её историю, культуру – особенно в связи с событиями февраля 2022 года. Как только Россия укрепляет свою мощь и защищает свои национальные интересы, тут же начинают раздаваться крики о «русской угрозе» и «русском экспансионизме». И если ты живёшь или жил в России – ты русский, и потому ты виновен. Виновны Толстой, Достоевский, которых прежде так любили. Виновны Чайковский, Стравинский, Дягилев. Виновны настолько, что всех надо отменить, запретить, уничтожить. Это открытое выражение неприятия всего русского – самый настоящий расизм.

Однако ещё несколько лет назад среди российских историков, в том числе академической среде тех, кто писал о русофобии, воспринимали как политически ангажированных пропагандистов, а использование термина трактовалось как идеологическое предпочтение автора. Говорить о русофобии – это пропагандистский приём, это нетолерантно, это ненаучно изучать какую-то фобию. «Никакой русофобии нет!» – таков был общий смысл высказываний. Но если, взяв предметом исследования не строго рациональные западные научные труды, предназначенные для политических, интеллектуальных, экономических и военных элит, а эмоционально окрашенные тексты, воздействующие прежде всего на чувства, а не на разум, и рассчитанные на массовую аудиторию, на обывателя, то мы увидим совершенно обратное. Конечно, серьёзные исследования русофобии, т.е. боязни России, неприязни по отношению к ней, ещё предстоят, тем более сегодня развивается такое междисциплинарное направление как имагология – изучение Другого, стереотипов взаимного восприятия, и в этом плане создано немало теоретических работ. Но уже сейчас необходимо, опираясь на имеющиеся исследования, организовать контрпропаганду, разъяснение мифов и стереотипов, на которых строится оживившаяся сегодня активная, воинствующая русофобия. В странах, в которых формировалась русофобия как идеология, следует назвать ведущими из них Францию, Великобританию, Польшу,

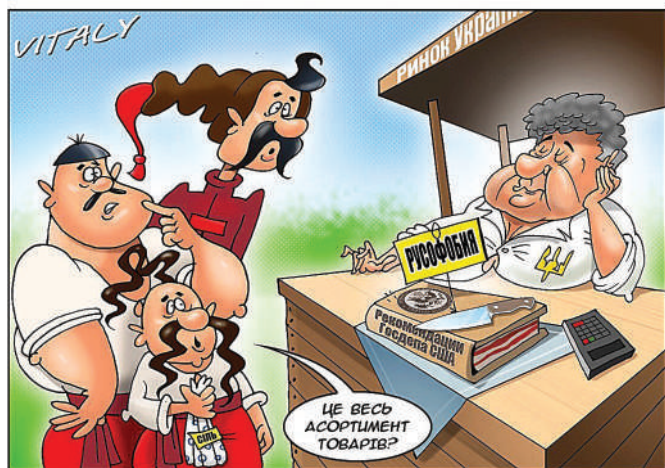
в определённой степени Германию, а также Соединённые Штаты Америки, где эта идеология начала активно развиваться со второй половины XIX века.

В настоящее время, несмотря на то, что Россия постоянно меняется, представления о ней в пропаганде русофобов остаются прежними. На Западе русофобия превратилась в образ мыслей не только руководящей верхушки и так называемой элиты, но и проникла в различные слои их обществ. Никто всерьёз не думает, что на Западе поголовно ненавидят русских, но характерна беспрецедентная ненависть на государственном уровне. Западная русофобия рациональна как технология и при этом основана на иррациональности и мистицизме, на закладываемых с детства и передаваемых из поколения в поколение страхах. Она представляет собой механизм и способ манипуляции общественным мнением с целью решения собственных внутренних проблем; это способ политической борьбы и решения важнейших экономических проблем; важный компонент бизнеса и двигатель ВПК. Ведь нужен очень сильный враг, чтобы убедить общество в необходимости постоянного наращивания вооружений с целью победить «русское зло», угрожающее всему цивилизованному Западу. Исследователь О.Б. Неменский отмечает, что эта западная по происхождению идеология утверждает злую природу русского народа, который генетически и культурно-исторически не способен ко всему тому, что составляет человеческое достоинство у других народов. В связи с этими придуманными свойствами русские, как народ, видятся принципиально враждебными Западу, а Россия как чуждая цивилизация, где нет и не может быть свободы, демократии, прав человека. По мнению доктора исторических наук Н.П. Таньшиной, написавшей глубоко научную книгу «Русофобия: История изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 496 с.» русофобия коренится в северном полушарии, где сильны позиции католицизма и протестантизма, поскольку неприязнь к России корнями уходит в принятие Русью христианства по греческому обряду. Причём следует отметить, что Азия, Африка, Аравия, Латинская Америка никогда не страдали русофобией. Япония и Китай имели с Россией территориальные конфликты,

отсюда и периодические эмоциональные всплески. А вот для США, никогда с Россией не воевавших, характерна ненависть на государственном уровне. Проходят столетия, меняются эпохи, но созданный Западом образ России в основе остаётся неизменным, а мифы и небывлицы транслируются из поколения в поколение. Однако, важно отметить, что не всегда Россия противопоставлялась Европе и Западу. Ключевыми факторами изменения восприятия стали принятие Русью христианства по восточному образцу и Великая схизма 1054 года, то есть раскол христианской церкви на Восточную, православную, и Западную, католическую, а потом ордынское нашествие и иго. С принятием христианства по греческому обряду мы стали Другими, Чужими, «схизматиками», даже нехристианами. Папская курия, начиная с тринадцатого века, участвовала и направляла под лозунгами крестового похода наступление на Русь от Балтийского до Чёрного морей, чтобы вернуть православных «раскольников» в единое вселенское лоно. Ордынское нашествие отсекло будущие российские земли от Европы на два с половиной столетия. Отсюда, по мнению западных авторов, в России проистекает «азиатчина» и «восточный деспотизм» русских. И в дальнейшем, несмотря на политические перемены, Россия в глазах европейцев так и останется варварской азиатской страной. Для европейцев символом такого взгляда на Россию стал собор Василия Блаженного. Например, А. Леруа-Больё именовал его «почти монструозным», гремучей смесью, сочетанием византийского начала и азиатчины. А когда Византия и Золотая Орда исчезли, то, по утверждению западных исследователей, Москва заняла их место и стала лидером православного мира. Надо отметить, что если «Запад» – это самоназвание, то «Восток» и «Азия» – это имена, которые Запад дал иным народам и землям, которые сами себя называли иначе. В данном случае эти понятия не географические, а культурные, основанные на неискоренимом разделении западного превосходства и восточной неполноценности. В отношении России, в соответствии с первой, исторической, неполноценность русских связывалась с наследием Орды. Согласно второму подходу, генетическому, или расовому, речь идёт о якобы особой генетической ущербности русских. Русских представляют не просто отсталым народом, а органически неполноценным, неспособным воспринимать «западные ценности». Поэтому русофобию можно рассматривать как разновидность расизма, когда русские объявляются людьми низшего порядка или вовсе нелюдьми.

В соответствии с «туранской теорией» русские ещё в XIX

веке были объявлены не славянами, а потомками смешения крови финно-угров, монголов, тюркских народов и славян, то есть «грязнокровками», что по расистским понятиям оценивается гораздо хуже, чем принадлежность к низшим расам. Поэтому русских нельзя считать людьми. Сюда же можно отнести образ медведя: русские – не люди, они просто животные. В польской культуре этого времени Россия традиционно называлась «земля не людей», «бесчеловечная земля», и часто так именуется по сей день. Одержимый ненавистью к России, польский историк Ф. Духинский утверждал, что великорусы, или «москалы», не относятся к славянскому и даже к арийскому племени, а составляют подвид туранского племени наравне с монголами и только присваивают себе имя русских, которое, по справедливости, принадлежит только малорусам и белорусам, близким к полякам по своему происхождению. «Москалы», – считал он, не только не славяне, но и не христиане... Идею о туранском происхождении русских, изложенные в концепции Духинского, поддерживал Карл Маркс. В свою очередь Ф. Энгельс в своих работах развивал классические мифы о «русской угрозе» и стремлением России подчинить себе весь мир, а революция в России представлялась ему способом её ослабления и превращения во второстепенную державу. В США русофобия появилась позже, с середины XIX века. События же 2022 года, когда Россия приступила к специальной военной операции на Украине, продемонстрировали, что правящие круги США, как и в годы холодной войны, воспринимают Россию как главного противника, от которого зависит само существование США как мирового гегемона. В восприятии европейцев, Запада мы остаёмся вечной и неизменной Россией. Не важно, идёт ли речь о Московской Руси (или Московии, как её именовали европейцы), о России Петра Великого, об имперской России последующих столетий, о Советском Союзе или современной России – в восприятии Запада мы остаёмся варварской, деспотичной страной, с рабски покорным населением и неизменно стремящейся к экспансии. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в интервью изданию POINT 8.12.2023 года утверждал: «Россия принадлежит к другой форме цивилизации. Ожидать, что Россия будет похожа на Европу, нереально. Это невозможно. Исторически, политически, географически, традиционно это другая страна. Важный вопрос заключается в том, являются ли наши разногласия причиной отказа от сотрудничества. Мой ответ – нет. Хотя бы потому, что большая часть мира отличается от Европы». Вот так. Для Европы Россия остаётся чужой. Европа и Америка нас не любят. И всё это вопреки современным исследованиям генетиков. Русский, полностью европейский генофонд, и монгольский, центральноазиатский – это две совершенно разные Вселенные.

Но Венгрия пока единственная страна Европы, которая выступает за сотрудничество. Другие страны, так называемый коллективный Запад выступили против России и руками украинцев ведут против нас войну.

Поэтому мы должны понимать, что у Запада всегда была, есть и будет своя Россия, вовсе на нашу страну не похожая. И нам остаётся только делать дело, сохранять, защищать и преумножать нашу Россию. Быть сильными. Понимая при этом, что сильная Россия обречена на русофобию. Н.П. Таньшина в своём исследовании сформулировала определение термина «руссофобия», которое на наш взгляд достаточ-

но полно и корректно. В нём говорится: «Под русофобией понимается комплексная идеология западного происхождения, сформировавшаяся в XIX столетии, но корнями уходящая в глубь веков, разновидность расизма, основанная на презрительно-высокомерном отношении к России и русским, утверждающая злую природу и ущербность русского народа, в рамках которой русские и Россия как государство воспринимаются исключительно в негативном ключе как антипод и угроза ценностям западного «цивилизованного» мира, основанная, с одной стороны, на архетипических, иррациональных страхах перед Россией и неприятии чужеродного мира, с другой стороны, являющаяся рациональным механизмом конкурентной борьбы с Россией, технологией её подчинения, а также средством решения собственных национальных проблем и оружием борьбы за международное доминирование Запада». Как тут не вспомнить «райский сад Бореля», заявившего об исключительности европейской цивилизации, забывшего о колониальном и нацистском прошлом Европы. Поэтому мы как представители европейской цивилизации должны методично изучать западные фобии, чтобы выстраивать рациональные отношения с Западом.

Русофобия никуда не уйдёт, это надо понимать. Но если западные элиты убеждать бесполезно, то на обывателя воздействовать совершенно необходимо. В современных реалиях гибридных и информационных войн, в условиях массивной индоктринации (индоктринация – процесс некритического принятия идей, которые навязываются лидерами мнений и разделяются большей частью людей) молчание равносильно поражению. Важно также понимать, что внутренняя русофобия не менее опасная, чем внешняя, питается теми же самыми идеями, что и западная, поскольку русофобия и есть продукт Запада. Доморощенные русофобы транслируют западный образ России, те стереотипы и мифы, которые сформировались на Западе. Все эти небывлицы и злонамеренные выдумки о прошлом и настоящем России не так уж безобидны. Они формируют неуважительное отношение к своей истории и нашему образу жизни, особенно среди молодёжи. Ведёт к разочарованию и неуверенности в построении личной жизни в родной стране и пренебрежению к её культуре, национальным традициям. Многие начинают думать о смене жительства, переезде в другие страны, где в эмиграции ошибочно надеются найти достойную и счастливую жизнь. В наши дни, благодаря активной патриотической политике президента В.В. Путина, правительства России и патриотических сил, вновь появилась надежда на возрождение единого государ-

ства и объединение русских земель. О способности русских объединяться говорил ещё первый канцлер Германии Отто фон Бисмарк: «Даже самый благополучный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских греческой конфессии. Эти последние, даже если они впоследствии международных договоров будут разъединены, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как находят этот путь друг к другу разъединённые капельки ртути».

«Возвращать и укреплять» – становится национальной идеей России, которая объединяет народы в едином пассионарном порыве к возрождению бывшего величия и мощи, возвращению миллионов русских в пределы многонационального российского государства. Сегодня мы должны осознавать, что с украинцами мы один народ и у нас одна родина – Россия. На Донбассе идёт бескомпромиссная ожесточённая борьба за выживаемость России, её будущее. «Для России наступило время самоопределения и борьбы за право быть самой собой», – заявил в обращении по случаю открытия академии творческих индустрий в арт-кластере «Таврида» президент Владимир Путин. Сегодня на Донбассе рождается новая Россия, где русские смогут развивать свою самоидентичность, самоуважение и занимать равное и достойное место в единой семье российских народов.

Русская Церковь устами своего Предстоятеля, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, обратилась с призывом к вооружённым силам, политикам и церкви объединиться, чтобы победить антихристовые силы зла. «Сегодня перед Россией стоит задача самая главная: выйти победительницей из той борьбы, которая сейчас против нас развязана силами зла. И совсем не надо преуменьшать сложность переживаемого момента. Сегодня нужна мобилизация всех: воинства, политических сил. И, конечно, Церковь должна быть мобилизована – в первую очередь для того, чтобы творить молитву за наших властей, воинство, но также для того, чтобы быть там, на переднем крае, как наши замечательные полковые священники, которые трудятся и, к сожалению, погибают, но не уходят с переднего края».

Сегодня необходимо продумать систему мер противостояния распространению и утверждению идеологии, мифов и стереотипов русофобии. Особенно важно включить эти вопросы в систему образования и воспитания молодёжи. Организовать циклы передач на радио и телевидении, в печати. Прививать гордость за свою Родину – Россию.

Анатолий ПЕРЕЛЫГИН,
кандидат исторических наук,
председатель церковного историко-археологического отдела
Орловско-Болховской епархии

«Это русофобия некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых. Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили пристрастия к ней. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться»

(Фёдор Тютчев, 1803-1873)